

ЭСМИРА БАГИРОВА

ЖИЗНЬ КАК ЖИЗНЬ

BAKI-YAZICI-2012

Az2
2012

Ә 63

ВВКС 63

Эмира Багирова, “Жизнь как жизнь”
Баку, издательство “Yazıçı” - 2012, 192 стр.

В настоящий сборник включены стихи, переводы, рассказы, повествующие о самом главном чувстве человека - чувстве любви.

Директор издательства:
Шамси ВАФАДАР

Редактор:
Бахыш БАБАЕВ

Дизайнер и технический
директор:

Алескер ГУСЕЙНОГЛЫ

Корректор:

Наиля АБДУЛЛАЕВА

Ә 5204000123 - (700)

М - 656 - 2012

© YAZIÇI

И ЕЩЁ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

Много лет назад шёл на экранах кинотеатров художественный фильм, который бакинцы смотрели по несколько раз. Назывался он "Еще раз про любовь", снятый, если не изменяет память, по пьесе А.Арбузова "Сто четыре страницы про любовь". Речь здесь шла о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, внезапно и трагически оборвавшихся на полуноте - она, стюардесса, гибнет в авиакатастрофе. Сюжет фильма, рассчитанного в основном на интеллигенцию тех лет, на интеллигенцию семидесятых, брал за живое, заставлял сопереживать и грустить вместе с главным героем.

Я не случайно вспомнил про эту кинокартину, повествовавшую о самом высоком чувстве человека - чувстве любви, ибо автор книги "Жизнь как жизнь" Эсмира Багирова еще раз, по-своему, по-женски попыталась в стихах передать те ощущения, которые нам так хорошо знакомы и о которых мы не умеем так красочно писать. Нам, но не всем, ведь не каждый способен любить и помнить само значение любви.

"Как же пусто без тебя в этом городе.

Пусто всюду, и даже во сне.

Знать бы, что на другом конце провода

Ты хоть немного грустишь обо мне".

Теплом и нежностью отдает стихотворение "Без тебя", строфу из которого мы привели выше. Героиня лирических произведений автора - тонкая, самоотверженная натура, в равной степени готовая "и казнить, и помиловать". Казнить - если избранник достоин наказа-

ния, помиловать - если раскается сам и первым делает шаг навстречу.

Вообще, мы, ЧЕЛОВЕКИ, порой до трагизма упрямы и несговорчивы. Зацикливаемся на чем-то на своём и твердим - так должно быть. Часто подобное поведение доводит до непростительных ошибок, исправить которые позднее бывает очень сложно.

Приведённое выше четверостишие - яркое доказательство неугасающей любви и полуразрушенных отношений, спасти которые пока ещё можно. Об этом свидетельствуют и следующие поэтические произведения - "Вновь в тисках железных сердце поет", "Чтоб этого не видеть", "Разрыв" и многие другие.

Если переиначить сюжеты отдельных стихов и выразить их одним понятием, основополагающим, на базе которого развиваются отношения между влюблёнными, то они явно будут созвучны словам Юлии Друниной:

"Ты рядом, и все прекрасно,
И дождь, и холодный ветер.
Спасибо тебе, моя ясный,
За то, что ты есть на свете."

Да, именно так. "Ты рядом, и все прекрасно". Но это Друнина, а у героини Э.Багировой его рядом нет. И это печально. Печально вдвойне от того, что он, избранник, бывший когда-то рядом, тоже равнодушен к своей пассии, но упорно не признается в этом. Отсюда коллизия - два любящих друг друга человека не могут переступить гордыню, стесняются сделать первый шаг к примирению и потому страдают оба, в отдельности, тайком друг от друга.

Особое значение приобретает у автора стихотворе-

ние "Я", в котором чётко обозначена вся жизненная позиция героини. Мы не имеем возможности приводить это произведение полностью, а жаль... Я хотел бы выделить одну из строф этого талантливое стихотворения, но теряюсь в догадках - какое из них лучше, какое актуальнее, какое убедительнее, судите сами:

"Я - мир и война, Я - холод и страсть,
Я - горе и радость. Покорность и власть.
Или: "Я - камень и воск, Я - счастье и муки,
Объятья любви и слезы разлуки."

В этом стихотворении тридцать две строчки, каждая из них целая философская страница одного человека. Здесь глубина мысли искусно сочетается с лирической строкой. Более чем уверен, этот стих достойно может звучать на многих языках мира, принося горделивое удовлетворение нам, русскоязычным читателям, проживающим в Азербайджане.

Героиня всех, почти всех стихотворений Эсмиры Багировой умеет быть и очень серьёзной, когда речь идет об уязвленном чувстве. Пример тому следующий:

"Мне не нужно твоё снисхожденье,
Благосклонности тоже не надо.
Было мне прошлой ночью виденье -
Плод раздора из райского сада."

Говоря о творчестве молодой писательницы, следует отметить её незаурядные способности обращаться к тому или иному жанру литературы. Насколько мне известно, Эсмира ханум пишет и рассказы, переводит отдельные образцы лезгинской поэзии и прозы, предания, четверостишия, посвящённые видным героям лезгинского народа.

В настоящий сборник стихов, переводов и рассказов включены избранные на сегодняшний день произведе-

ния молодого автора, творчество которого заслуживает читательского внимания. Думается, читатель, взявший в руки новую книгу под названием "Жизнь как жизнь", с упоением прочитает её и будет ждать следующего литературного творения Эмиры Багировой.

Бахыш Бабаев

ЖИЗНЬ
КАК ЖИЗНЬ

ЖИЗНЬ КАК ЖИЗНЬ...

Мое сердце - стекло.
Кто-то водит стеклом по стеклу.
Каждый нерв пропускает через себя
Этот звук, как электроразряд.
Нервы вытянулись в струнку, встали в ряд,
Мышцы все разом свело.

Мои глаза - две капли воды.
Зеленые капли стекают в ручей
И растворяются в нем.
Чьим взглядом смотреть мне теперь на мир?
У кого искать свои капли воды? А ручей - он чей?
Я не вижу сейчас ничего - где ты?

Мое сознание - крыша.
Она оголилась - ураганом черепицу снесло.
Все, что было под нею, вмиг затекло.
Ну и пусть! Был бы от крыши прок -
Только шок. Зачем тогда крыша? -
Режь сознание, как грыжу!

В моих жилах - студень.
Студень разбили холодной водой
На клочки. Они плавают в ней.
Масса то стынет от ужаса, то кипит, негодуя.
И с этим адом внутри живу я
И вою от боли - что ни день.

Вокруг - одно зло.
Я не знаю, - а зло вышибают ли злом?
Кто-то скажет: "Конечно, лишь так,
И не пяться назад, как рак!"
А как отличить добро и зло? -
Личина одна.... Не слишком ли нас занесло?

Моя жизнь - не жизнь.
Потому что возможности не в ладу со способностями.
А кому до этого есть дело?
Есть душа? Есть тело?
Живи, и душой не криви. Жизнь есть жизнь.
Вот и я говорю: моя жизнь - как жизнь...

НЕ ИСКУШАЙ МЕНЯ, СУДЬБА!

Не искушай меня, судьба, -
напрасный труд.
Меня сейчас ничто не обольщает.
Покрыты ложью посулы твои
и знаки лгут,
И искривлен твой перст, что горы обещает.

Без него я тихо, гордо
вяну как цветок.
Без него в мечтах застряну
я на долгий срок.
Ледяной водой окатишь
с головы до ног -
Но огонь внутри не гаснет -
и не впрок урок.

Тебе ль, судьба,
боль сердца моего унять?
Она хозяйкой в нем обосновалась.
А сожаление
свернет ли время вспять,
Когда вороной черною голубка оказалась?

Без него так холоден
и жуток мой шатер,

Без него не светит
и не греет мой костер.
Солнце на моей картине
кто-то взял и стер,
Крик души, как вой сирены,
резок и остёр.

До утра ворочаясь,
он так и не уснёт,
Он измучен, от борьбы с собою он устал!
Отчего душа его,
как прежде, не поёт?
Отчего весь мир ему
таким вдруг тесным стал?

Без меня он жить не может,
так же, как со мной.
Без меня дыханье сводит,
словно под водой.
Как бычка с петлёй на шее
тащат на убой,
Он уходит, но с оглядкой,
с горькою мольбой.

Не искушай меня, судьба, -
напрасный труд,
Меня сейчас ничто не обольщает.
Покрыты ложью посулы твои
и знаки лгут,
И искривлён твой перст, что горы обещает.

В ГОРАХ

Я снова в горах,
я сбежала из царства двуличия,
Чтоб уйти от проблем
и коснуться руками вечности.
Я уютно устроилась
на самом пике величия
И без страха смотрю
в глаза самой бесконечности.

Здесь чувства иные
владеют душой и телом.
Достойная смерть
здесь вечной жизни сродни.
Летит мимо ангел,
машет крылом своим белым.-
В пространстве и времени
мы с ним, похоже, одни.

Молочный туман,
как котенок, мне лижет колени.
Сквозь него одинокий,
заблудший луч солнца проник.
Зацепившись крючком
за струну упоительной лени,
Лучик замер в руках,
на мгновенье качнулся и сник.

И уже мои мысли
по лучику, как по канату,
Из сердца Земли
несутся в сердце Огня.
Рай земной дополняют
аккорды из "Лунной сонаты",
Так не к месту
звучащей сейчас в голове у меня.

В горах все земное
настолько мало и ничтожно,-
Пустой суетой
и мышинной вознёй предстает.
А от мысли, что нужно вернуться,
становится тошно.
Но пора возвращаться,-
закат мне сигнал подаёт.

По пыльной дороге
в свое измеренье другое,
Взглянув на жизнь свысока,
спускаюсь с небес.
Знакомый ангел,
махнув на прощанье рукою,
Взмыл вновь в безмятежность
и в млечном тумане исчез.

БЕЗ ТЕБЯ

То светит солнце ярче привычного,
То стучит дождь и бушует гроза.
От суеты, расписанья привычного
Клонит ко сну - закрываю глаза...

Как же пусто без тебя в этом городе.
Пусто всюду, и даже во сне.
Знать бы, что на другом конце провода
Ты хоть немного грустишь обо мне...

Я влачу бытие, словно в карцере,
Трепет сердца закрыла на молнию.
Я укрылась железным панцирем
Общежитием принятых норм.

Кровь стынет в жилах от жуткого холода.
Холод - даже в каминном огне.
Знать бы, что на другом конце провода
Ты хоть немного грустишь обо мне...

Вновь в тисках железных сердце ноет,
Вновь себя за слабость презираю.
Чувства, что облезлые обои,
Я с души усталой отдираю.

Нет уж слов, давно иссохли слезы.
Нет меня - как снег, весною таю.
Мысль свою, свои пустые грезы
С легкостью на волю отпускаю.

Как змея из старой лезет кожи,
Сбросить рада груз земных обид.
Нет, не больно, боль утихла тоже,
С непривычки только чуть знобит.

Только так, отрекшись от престола,
За который бился много лет,
Лишь такой ценой - без слез, без стога
В сумерках души забрезжит свет.

Я НЕ ЗНАЮ...

В глубине моего подсознания
Мысли светят, как солнца лучи,
Но, увы, в суете мироздания
Я от них потеряла ключи...

Свой мирок я, задвинув подальше,
Безнадежно махнула рукой.
Без борьбы, сожаления даже
Я себя заменила другой.

Повалив все в огромную кучу,
Подожгла, как ненужный хлам,
И другому я идолу - круче -
Возвела незаслуженный храм.

То, что прежде считала я кладом,
Отдала за бесценок, гроши.
Что ж, довольствуйся новым укладом,
Сожаленьем теперь не греши!

В глубине своего подсознания
Я еще не задула свечу,
Но, увы, в суете мироздания
Я не знаю, чего я хочу...

ЧТОБ ЭТОГО НЕ ВИДЕТЬ

Чтоб этого не видеть, пускай ослепну я,-
Как ты покинешь наш уютный дом.
Мне свет не нужен в облике ином,-
Ты - свет очей моих, а без тебя
И радуги соцветье вижу в ракурсе пустом.

Пускай оглохну я, чтобы не слышать слов,
О том, что чувств пропала новизна.
Ты - соловей мой, без тебя весна
Предстанет образом моих кошмарных снов,
И жизнь с ее разноголосьем, увы, мне не нужна.

Пусть лучше говорить я разучусь навек -
Немые не способны ранить словом.
Пусть лучше чувства выражу я стоном.
Да и глаза честнее у калек -
Глаза небрежное "прощай" не бросят вслед...

РАЗРЫВ

Словно две половины разбитой посуды -
Склеить можно, но трещина все же останется.
Голос хриплый, надрывный - я снова простужена,
В сердце нож, но не трогай - ты можешь пораниться.

К черту старую язву - пусть излечит кудесник,
Все равно нарываю, зло оскалюсь, рубцы.
Режь смелей! Не бывает исцеленья чудесного,
А надежда - наркоз - усыпляет глупцов.

Где ж любовь? Словно старый рояль, ждет настройки?
Но ведь мастер - желание - сном извечным почил.
Все земные блага так хрупки, так нестойки,
Хоть истошно кричи, хоть смиренно молчи...

МНЕ КАЗАЛОСЬ...

Мне казалось, что мир - только мой,
И что этим могу не гордиться.
Мне казалось, что мир - только мой,
Что никак не могу ошибиться.

Мне казалось, загадка - звезда
Светит мне лишь одной, улыбаясь.
Что так было и будет всегда, -
Не терзала себя, сомневаясь.

Мне казалось, что небо седьмое
Ни за что не допустит беды.
Что и горы со мною, и море -
Свежесть ветра и сила воды.

Но изменчивый ветер удачи
Выбирает того, кто сильней.
А Творец от удач ждет отдачи.
Это правильно - сверху видней.

СВАДЬБА

Как же горько! Путаются мысли.
Сжала губы - только б не завить!
Как ты мог мне приглашенье выслать?
Как могла я обо всем забыть?

Да,- упрямство. Да,- тупая гордость
Пусть всему виною, но к чему
Ворошить потерянные годы,
Душу бередить, скажи, к чему?

Ты - красивый, в черном фраке. Рядом -
Вот она! Сияет, как в раю.
Так зачем украдкой, пьяным взглядом
Снова смотришь в сторону мою?

Свадьба, свадьба! Ах, какая радость!
Выпью лучше горькое вино
И скажу: "Какая ж гадость - ваша
Заливная рыба!" - как в кино...

Больно. Больно! Путаются мысли,
Сжала руки, - дрожи не унять.
Как ты мог мне приглашенье выслать?
Как посмела я его принять?

НЕ НАЗЫВАЙ!

Не называй меня своей мечтой.
Мечта - туман, ее уносит ветер.
Ты, милый, станешь ветром для другой,
Той, что взаимностью тебе ответит.

Не называй меня своей мечтой.
Ты знаешь - это бесполезно, милый.
Хрустальных замков заново не строй,-
В тот судный день фортуна их разбила.

Не называй меня своей мечтой,
И у судьбы подачек не проси.
Я расплатилась за любовь слезой.
И горечь все прожгла внутри, прости...

Не называй меня своей мечтой.
Пусть чувств твоих не изменило время,
Отныне мы ведь лишь "друзья" с тобой,
И нам нести придется это бремя.

Не называй меня своей мечтой.
Не называй!

ПУСТЬ...

Пусть ангел-хранитель тебя бережет,
Где б ни был ты,- даже с другою.
Пусть сердце каленым железом мне жжет -
Прохладной коснешься ль рукою?

Пусть горе обходит тебя стороной,
Крылом своим ангел прикроет.
Пусть стану кому-то примерной женой,-
Мне в жизни не будет покоя.

Пусть счастьем тебя не обделит Творец,
И солнце теплом своим греет.
Не мне пусть отстроишь хрустальный дворец,
Не я пусть в дворце твоём фея.

Пусть не познаешь ты горечь пилюль
Предательства в светлой оправе.
Пусть Бог мне позволит - сама их приму:
Тебе не оставлю отраву.

Пусть птица удачи сияньем своим
Накроет, как теплой волною.
Я издали буду жить счастьем твоим,-
Мне этого хватит с лихвою.

АКТЕРУ АЛЕКСАНДРУ АБДУЛОВУ

Вот он в сиянии рампы - наш общий герой,
Кумир миллионов, суперзвезда - навсегда!
Но время пришло - не пришло,-
Не знает никто. Он ушел.
Навсегда покинул наш строй супергерой.

Сколько лет прошло с тех пор, как его сберегла судьба?
Для чего? - думаю дни напролет.
Он ведь должен был сесть тогда в самолет,
Который сгорел. Но не сел.
Почему? Сел другой - тоже ведь чей-то герой...

Подошел к нему тот человек и сказал:
-Я прошу вас, я вас заклинаю!
Вы наша кинозвезда, я знаю.
Но только вы мне можете помочь -
Не гоните прочь!
Мне очень нужен билет на этот рейс,-
Широко улыбнувшись all over the face, герой протянул билет.
Оказался билет - на тот свет, в никуда, в один лишь конец.

Долго думал об этом впоследствии киногерой:
Для чего, о Всевышний, зачем, ты мне тайну открой!
Он откроет ее очень скоро, когда сирень зацветет.
Как весна, продолжение сна - дочь растет.
В этот мир для чего-то она пришла. Для чего?
Еще больше прославить, возвысить имя его?

Может, ей суждено найти лекарство от рака?
Может, Господь одарил ее особым знаком?
Или она тоже - звено какой-то цепи?
Ты скоро узнаешь об этом, дитя, потерпи!

Мы все приходим на этот свет для чего-то.
Кто-то это в начале пути поймет, ну а кто-то
Так в темноте весь отпущенный срок и пройдет.
И в свои сто, не начав даже жить, он умрет...

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

Из рая изгнан был адамов род.
Летят века, бежит за годом год.
В почете власть и деньги. Мир гниет,
Державы рушатся, под ними мрет народ.
Мурашки по спине, холодный пот,
Но также манит он, запретный плод.

Осел конем удачно сделал ход,
Песнь лебединую петух поет,
Умнейшему ума недостает -
Тупой ему мораль преподает.
Честнейший, не краснея даже, врет, -
У каждого он свой - запретный плод.

Иной за деньги душу продает,
Зов совести к чертям собачьим шлет.
Иной - за славу громкую умрет,
Иной - на поводу страстей идет.
А кто есть кто - сам черт не разберет.
Зачем так сладок он, запретный плод?

Кичась бездонным брюхом, кашалот
Закрыл собою весь подводный грот.
Других прогнал - один всю рыбу жрет.
Делиться с кем-то? Он не идиот.
Иным - весь мир, другим - и банка шпрот
Сойдет, быть может, за запретный плод.

Пацан, на старших глядя, у ворот
Бросает камешки в соседский огород.
Никто ему по шее не дает.
Учти, малыш, придет и твой черед!
Все в этом мире задом наперед.
Что делает с людьми запретный плод?

Слепым желаньем движим, словно крот,
На красоту позарился урод.
Унизил, плюнул, растоптал и вот -
Цветок, в грязи расплаты молча, ждет...
Разверзнет Божий гнев небесный свод.
Неужто стоит он того, запретный плод?

Чтоб кровь отмыть, не хватит чистых вод.
Повсюду ведьмы водят хоровод,
Вампир, отправившись в кровавый свой поход,
Плоть разорвал, живое сердце в рот.
Довольный, потирает свой живот.
Что сердце для него? Запретный плод?

Теченье быстрое и резкий поворот.
За поворотом - омут или брод?
Куда пригонит ветер старый плот?
Отплыть назад, иль ринуться вперед?
В лицо струя воды холодной бьет:
Вперед, вперед! Ведь там - запретный плод...

МАМЫ БОЛЬШЕ НЕТ

Моей подруге Радмиле

В этом мире мамы больше нет.
В этом мире стал далеким свет.
Хлюпают дожди, темно и сыро
В сумерках затерянного мира.

Этот мир, как я, осиротел, -
Весь мой мир остался не у дел.
Даже праздник вечером воскресным
Без тебя безжизненный и пресный.

В этом мире выдохлось тепло, -
В мир иной с тобой оно ушло.
Мир - не шар земной, - комок обид,
В нем меня всегда теперь знобит.

В этом мире нету больше мира.
В этом мире замолчали лиры.
Без тебя весь мир - сплошной разлад,
Никому мой мир уже не рад.

Заблудился этот мир в глуши.
Кто вернет мне мир моей души?
Мир теперь лишь - в дочкиных глазах,
Мир теперь лишь - в папиных слезах...

ЛЕВ В КЛЕТКЕ

Царем зверей он был совсем недавно,
И с духом джунглей был почти на равных,
И в стае признан самым главным.

Теперь стал в зоопарке экспонатом.
И есть, и пить ему приносят "на дом",
И спальня - далеко ходить не надо....

Уже не царь без царственной свободы,
Но и рабом не хочет быть в угоду
Бесцеремонному царю природы.

Он то рычит, то мечется по клетке,
Пытается разгрызть клыками сетку
И на металле оставляет метки.

Величественный лев в отличие от прочих
В неволе даже мясо есть не хочет,
Добытое не им, не на охоте.

То он часами, раздраженный, бродит,
То с посетителей свирепых глаз не сводит,
И, кажется, с ума от боли сходит.

Директор зоопарка, видя это,
Решил привести с другого края света
Ему подругу жарким летом.

И вот хозяйкой молодая львица
В вольер вошла. А царь не надивится,
Подумалось ему, что это снится...

Три дня как будто был спокоен лев, -
Не слышен был его вселенский гнев.
В итоге оказалось - просто блеф.

Он понял, - это глупая попытка
Ему свободу заменить. Как прытко!
И стала мысль эта новой пыткой.

Он рвал, метал, когтями землю скреб,
И сотрясал его безумный рев
Тюремный ненавистный кров.

И понимала верная супруга,
Что безысходность замкнутого круга
Вконец уничтожает ее друга.

Желая облегчить его страдания,
Заботилась о нем с усердным прилежаньем,
Но обманулась в лучших ожиданиях.

Однажды царь, сорвавшись, словно пламя,
Набросился на львицу, как цунами
С тринадцатиметровыми волнами.

Он мертвой хваткой в спутницу вцепился,
Клыками яростно ей в глотку впился
И набок, обессилив, повалился.

Недвижима, в крови лежала львица.
Он понимал, что не причем царица,
Но, видно, так должно было случиться.

И больше лев в свирепство не бросался,
С тоской в глазах смертельной распластался,
К еде три дня не прикасался.

Ушла куда-то жизни благодать,
И, не имея сил ее с терпеньем ждать,
Царь просто перестал дышать...

УХОЖУ ОТ ОГНЯ

Отмерило время,
Отсчитало шаги.
Забот вечных бремя -
Под глазами круги.

Что ни день, то все плачет -
Осень ищет меня.
Ближе тень. Это значит -
Ухожу от огня.

Где-то детство хохочет,
И безудержный смех
Водопадом грохочет
В голове без помех.

Сколько капелек счастья,
Вместе слившись в струю,
Подпитали отчасти
Непогоду мою.

Как песчинки сквозь пальцы,
Разбредались друзья.
Я вослед улыбалась -
Следом плакать нельзя.

В пепелище пожара
Уцелевший сонет, -
Все усилия даром -
Цельнокройности нет.

Ближе тень. Это значит -
Ухожу от огня.
Жизнь и учит - дурачит.
Сбережешь ли меня?

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ СЕБЯ

Кто говорит, не отрекаются, любя?
Не верю в это я, свежо предание...
Есть сильный человек - отрекся от себя,
Лишь потому, что так велит его желанье.

Вознес свое желанье он над всеми,
И над собой вознес, прикрыв небесный свет.
Неправы все, несчастливы все семьи,
Не мудр отца и матери совет...

Он сам себе застил глаза и уши,
Отгородился каменной стеной.
Он знает точно - всем так будет лучше,
И пусть с ним не согласны - все равно.

Он, как щитом, обидой прикрывается,
Чтоб в корне возраженья задуть.
Он соловьем пред всеми заливается:
"Не понят миром я, мне надо как-то жить..."

Готов на все он, на любой позор.
Да Бог с ним, - пренебрег пускай женою, -
Не страшно ль детям затуманить взор,
Накрыть их смех печальной пеленою?

Не значат ничего чужие боли?
Он сам себе клянется в том, что прав.
Вот так желанье побеждает волю.
Так злая похоть побеждает нрав.

Он одержим, как Дон Кихот Ламанчский,
Во всем ему мерещится подлог.
Он лицемерье обнаружит в ласке,
Чтоб уличить, найдет любой предлог.

Натренирован он в борьбе с врагами
Лишь побеждать. И честен он, и смел,
Но мысля раскаленными мозгами,
Он проиграть боится и семье.

На высшую ступеньку пьедестала
Поднялся и вопит оратор мой:
"Я не такой, как все, я часть астрала,
Вокруг рабы и тряпки. Я - другой!"

Тщеславье, честолюбие, гордыня,
И эгоизм - такой, что тонет в нем
Мужская гордость выросшего сына,
В нем нежность дочерей горит огнем.

Ну как же, как, скажите, достучаться,
До лоскутков той прежней простоты?
Или реальной просто распрощаться
Нам с идеалами душевной красоты?

НАС УБИВАЮТ

Нас убивают... Нет, не ножом, не оружием.
Нас убивают, бесшумно в доверье войдя,
Те, с кем, возможно, всю жизнь непутевую дружим,
Тем, что весь мир твой с собой заберут, уходя.

Тихая нежность - к душе твоей прикосновение...
Только привыкнешь, - удар. Отрезвляющий след.
Не обольщайся! Покой - это только мгновение,
А может быть вовсе больной сумасшедшего бред.

Нас убивают... Нет, не пространство, не время.
Каждого смертного свой убивает удел.
Мудрого - совести невыносимое бремя.
Алчного - что у судьбы отхватить не успел.

Сколько амбиций сей мир созерцают убого!
Сколько лжеправды рождается с пеной у рта!
Судьбы вершат, воображая себя полубогом,
Богом забытые в ад, отворяя врата.

Травят нас не экология и не пожары,
Много страшнее резервный, наш собственный яд.
С ним не сравнятся цианистый калий с кураре, -
Зря токсикологи век все колдуют - мудрят.

Горстка презренья, щепотка слепого цинизма, -
Чем не оружие, если оружия нет?
Перебродивши, как призрак худой коммунизма,
Эти вампиры отнимут весь радости свет.

Не убивает коварство, поверь, ожидания,
А убивает неожиданность коварной мечты.
И непристойная грязь самооправдания,
И фамильярность, когда с чистотою на ты...

ПРИЗРАК ЖИЗНИ

Есть бурлящая жизнь,
и есть ее призрак.
Я и ты, весь народ,
вся наша отчизна
Растворяемся тихо
в призраке жизни.
Мы крутимся, делаем бизнес,
Пережить пытаемся кризы.
Кругосветные любим круизы,
Но от жизни требуем мизер!
А призрак - он рядом,
доступен без визы -
Вот тут - то подходим к черте мы,
к карнизу...

Жизнь - это вспышка,
Жизнь - это молния.
Жизнь - не просто поужинать вовремя.
Жизнь - это яркий свет.
Закроешь глаза - его нет.
Что с того? - скажешь ты мне в ответ.

А то, что пошире
открой свои очи -
И внеси этот свет
в крошечные ночи.

Дерзай, рвись вперед, твори!
Короче,
Вспыхни! Очнись
от подобия жизни,
В лицо воды родниковой брызги,
Разбуди весь народ свой
и всю отчизну!
Разбей искажающий лик своей призмы,
Сбрось камень, который
на шее виснет!

Посмотри на себя изнутри.
Это - все, что ты ждал от себя?
Говори,
Где прежних желаний твоих огни?
Кем ты видел себя когда - то?
Не ври!
Ты просто плывёшь
по теченью,
И правит тобой
обстоятельств стеченье.
Может, хватит спать, есть
и пить чай с печеньем?
Не пора ли прислушаться
к сердца велению?

Жизнь - это вечное движение.
Что это значит? -
не стой на месте!
Задушим призрак, мираж
все вместе!

Человек велик
и это - без лести.
Пусть осаждают дурные нас вести, -
Нас миллионы, -
не кучка, не двести,
У всех есть душа,
а душа - не из жести, -
Заржавеет - не выбросишь вон,
И не сдашь ее
в металлолом.
Лучше очисти ее от Горгон.
Пусть не нацепят
за это погоны,
Пусть не сверкает душа серебром,
Зато искрится добром,
а не злом.
И незачем ждать,
когда грянет гром.

А если прожил жизни
большую часть, -
Остался лишь год,
или день, или час,
Кто-то скажет, что поздно
меняться сейчас...
Не ввергай в заблужденье себя,
не хитри,
Пятью пять - двадцать пять,
а не двадцать три!
Так что сопли свои
поскорее утри,

Не жалея, не зови, и не плачь,
а рискни!
Хоть что - то успеешь сделать.
Пойми,
Не одно и то же ведь -
просто уйти,
Или сделать под занавес доброе дело!

Каждый из нас, я и ты -
виноваты:
Обложив себя мягкой ватой,
Оградились от жизни -
и рады!
Стерлось время для нас,
стерлись даты:
Мы целы, невредимы, богаты...

Брось, не дури себя, друг, без зазрения!
Жизнь - это взлет и падение,
Но - не сон, не покой,
не забвение.

Выправь немного
свой угол зрения
И гляди. Мы все -
одной цепи звенья:
Если плохо всем -
не будет счастлив один,
На фоне бури не пишут
беззаботных картин.

Оцени себя честно,
не сочти за труд.

Ты живой человек
 иль ходячий труп?
Ты гвоздь программы
 или просто шуруп?
Ты сухой бутерброд
 иль горячий суп?
Ты зеленая ветвь
 или хрустнувший сук?
Ты враг сам себе
 или все-таки друг?

Да что с нами, люди?
 Мы в белой горячке,
В упор не видим
 свои же болячки,
Как страусы,
 головы в землю прячем.
Да, трудно очнуться
 от зимней спячки,
Но совсем невозможно -
 от вечного сна.
Жизнь у всех нас -
 всего одна,
А призрак жизни -
 яма без дна.
Не спеши обрести
 в эту пропасть билет.
Жизнь - это яркий свет.
 Закроешь глаза - его уже нет.
А значит, пошире
 открой свои очи,
И внеси этот свет
 в крошечные ночи!

Мне без тебя и рай не мил -
Темно и сыро в нём, как в склепе.
Мне без тебя дышать нет сил,-
Дыханье кажется нелепым.

А свет в окне - как он слепит!
Как он слепит! - Уж лучше темень.
Комок скопившихся обид
Плывёт за мною чёрной тенью.

Неужто солнце так слабо,-
Согреть одну не в силах душу?
Бог, что ж ты гордую рабу,
Как рыбу, выбросил на сушу?

Я всё пробую на вкус
Одиночества укус
И запиваю каплей дождя.
На себя дико злюсь,-
Добела накалюсь,
Но остыну и мерзну чуть погода.

В пепел сжечь угрожая,
Наповал сражает
Предательства мерзкий трехголовый змей.
Я укроюсь молитвой
И приму эту битву.
Но не стану от этого хоть немного хитрей.

Как подбитая птица,
Пытаюсь приземлиться.
Но, увы, совершаю смертельный пилотаж.
Как затравленный зверь,
Впотьмах ищу двери
В безопасные джунгли, но и это - мираж.

Которую ночь
Отгоняю прочь
Одни и те же страшные сны.
Чтобы завывать
И на время забыть,
Жду - не дождусь новой луны.

Вот решила вдохнуть
Звездной пыли чуть-чуть,
Но от нее чихаю и кашляю.
Значит, ждет меня пусть
Одиночества грусть,-
Я сумею запить ее дождика каплею.

СПОР

Я вышел как-то вечером во двор.
С соседом умным завязался разговор.
Полезно иногда расширить кругозор,
Но плавно перешла беседа в спор.

Я - аргумент, он - два, причем весомых.
Подкованный научно, он мужик - не промах.
Он с разных ракурсов преподносил свой взгляд,
Все доводы слагая в дедуктивный ряд.

Пред логикой железной трудно устоять,
Пред ней обязан каждый шляпу снять.
И много почерпнул я знаний новых
Из мыслей, однозначно мне знакомых.

Довольно неохотно мы прощались,
Рукопожатьем крепким обменялись.
И жизни полноту я чуял каждым нервом,
Как будто в космос я слетал одним из первых.

В другой раз встретился другой мне оппонент.
Такой "полет фантазии", слов подходящих нет!
Вокруг себя он создавал ажиотаж,
И это, я скажу, был тот еще типаж...

В речах своих он пальцем в небо тычет,
Одно и то же без конца талдычит.
При полном крахе широты мышленья,
Хоть отбавляй крутого самомненья.

В вещах, куда уж более очевидных
Фрондерство проявлял с настырностью завидной.
И хоть ни в чем я с ним не согласился,
Мой интеллект ступенькой ниже опустился.

Подобно новому созыву депутатов,
Мы слушали друг друга. Но дебаты
С ним оказались для меня чреватые.
И разбежаться мы взаимно были рады.

Бывает, в споре истина рождается,
Но иногда - и аксиома искажается.
Бывает, мудрость просто поражает,
Но чаще - степень тупости сражает.

Не потому ли величайший гений,
Чтоб избежать бессмысленности прений,
Сказал - отрезал. Вот слова певца
Любви и чести: "Не оспаривай глупца!"

ЖИЗНЬ И ТЕРПЕНИЕ

Невообразимое в этом мире творится вокруг,
Но это никого не удивляет ничуть.
Друг запросто, без угрызений друзей предает,
Грязь запросто невинность собой оболъет.
На полной скорости ребенка сбил какой-то подонок.
Как поломанная кукла, оземь стукнулся ребенок.
С каждым мигом сильнее кровью истекает,
А лихач от себя во всю прыть удирает.

Что я думаю об этом? Каково мое мнение?
Когда кончается жизнь, начинается терпение.
Чтоб принять это сердцем, нужно особое умение.
У меня его нет, к сожалению...

Сестра сестре намеренно в солнечное сплетение
Наносит удар, но изображает сожаление.
Ради чего? Самолюбие тянет неудержимо?
Превосходство - понятие очень растяжимое...
Брат из-за наследства доводит до смерти брата.
И как ты думаешь, о чем он жалеет потом?
Нет, не о том, что его постигла утрата,
А о том, что не оформил на себя его дом.

Хочешь знать на этот счет мое мнение?
Когда кончается жизнь, для чего нам терпение?
Чтоб увидеть ответ, нужно внутреннее зрение.
А у меня его нет, к сожалению...

Решит большая шишка стать благодетелем сирот.
Для этой цели миллион у государства берет.
Потратит пару сотен на ближайший приют,
Остальное кладет в широкий карман своих брюк.
Слава благодетелю, слава меценату!
Слава президенту и слава сенату!
Все честно заслужили сиротские деньги.
Все вышло отпадно, - на молодежном сленге.

И каково на этот счет мое мнение?
Жизнь проходит так скоро, но где же терпение?
Чтобы ждать и дожидаться, надо довериться времени.
У меня его нет. К сожалению...

Смерть однажды ко всем приходит с приветом.
Как говорят итальянцы, надо помнить об этом.
Чтобы ясным взглядом на пороге ее встретить,
Прежде всего, пред собою надо быть в ответе.
Как много в могилу мы берем с собой?
Хоть монетку дано ль перенести в мир иной?
Только зло и добро. Поступки и деяния -
Единственная мера, которой отмерят наказание.

Так к чему я пришла? Каково мое мнение?
Когда кончается жизнь, иные ждут воскрешения.
Вера в чудо могла бы стать утешением.
Но у меня ее нет, к сожалению...

РАЗВОД

Твоя семья, увы, сдана в архив
С согласия сторон, судьей бесстрастным.
Достоинство и гордость сохранив,
Что до любви - не думай понапрасну...

В архив отправлено непонимание,
Слепой укор, немой в глазах упрек.
И с ними первое свое свидание
Ты сам на пыль архивную обрек.

До скрежета зубов щемящей болью,
Стереотипы с честью одолев,
Ты не обязан закрывать собою
Пробоину в семейном корабле.

Со стоном, долго он терпел крушение.
Теперь уже покоится на дне.
В архив - излишни чьи-то сожаления.
К чему тупой вопрос: по чьей вине?

Совет семейный треснувшей семьи
Решил, что кодекс брака тяжело болен.
Не просто излечить укусы змеи,
Отречься проще,- выбор твой, ты волен.

И человек чужой спустил курок.
Истец, ответчик, вы теперь довольны?
Бессрочному, случилось, вышел срок,
Но отчего все также сердцу больно?

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

Ты стоишь на крыше небоскреба,
На краю, у самого карниза.
Дышит смерть в лицо туманом сизым
И язык иссохший жметя к нёбу.

В поисках потерянного смысла
Сжал кулак над пропастью до боли.
Я в твоей руке по чьей-то воле
Между небом и землей повисла.

Самого себя постичь не в силах,
Свыше ждешь подсказки, как спасенья.
Просишь, не свершив греха, прощенья
У посланцев Бога белокрылых.

Разожми кулак, - отбрось сомненья!
Приговор не хуже ожидания.
Я прорву земной свободы грани,
Стану ветра легким дуновением.

Может быть, я ринусь к солнцу птицей,
Покорю просторы поднебесья.
Может, станет лебединой песней
Двух миров размытая граница...

Если ж нет, - пусть куклою тряпичной
В бездне скроюсь из виду мгновенно.
Что тебе в масштабах всей Вселенной
Жизнь одна - моей души тепличной?

Там, внизу, в абстрактную картину
Выльются разводы алой краски.
Неведомый художник, точно в сказке,
Пройдется кистью по тугой холстине.

А когда взойдут два солнца ложных,-
Завтра или сто веков спустя,
Ты поймешь, что та картина - я,
И что ты - незримый тот художник...

ОТПУСТИ МЕНЯ, ЛЮБИМАЯ

(Песня)

Свою телесную покинув оболочку,
Над нею долго я еще кружил.
Но окунувшись с головою в ночь,
Я все земное на земле сложил.

Отпусти меня, любимая,
На все четыре стороны.
Отпусти меня, любимая,
Туда, где кружат вороны.
Туда, где свет не мил,
И где полно могил,
Туда, где буду я совсем один.

Никак не хочет уходить мой дух,
Согретый беззаветною любовью.
А по ночам я слышу, как ты вслух
Зовешь меня с такой тоской и болью...

Отпусти меня, любимая,
На все четыре стороны.
Отпусти меня, любимая,
Туда, где кружат вороны.
Туда, где свет не мил,
И где полно могил,
Туда, где буду я совсем один.

Закон небес бесстрастен, как гранит.
Забудь меня, дай улететь на волю.
Позволь, пусть время чудо сотворит,
Пришла пора расстаться с этой болью.

Отпусти меня, любимая,
Туда, где вечность и покой.
Я улечу туда, любимая,
Где свет звезды достать рукой.
За голубые своды,
Где терпкий вкус свободы,
Где не страшны земные непогоды.

НОЧНАЯ БАБОЧКА

Вся жизнь твоя - что сумка с дном двойным.
Слой верхний на виду, как на ладони.
И отделений нет здесь потайных,
И с виду чисто - без смердящей вони.

Слой этот для общественного мнения,
Скрывать его нет никаких причин.
Распахнут настежь он для лицемерия
Приличных, добродетельных личин.

Здесь заготовок воз для любопытных:
Лапши на уши вешать - сто пудов.
Здесь ширма есть от сплетен ненасытных,
А как смазливы маски здесь - нет слов.

Здесь в розовый окрашены очки,
На всех поступках свет кривых зеркал.
Сомненья разбивая на клочки,
Сияет голливудский твой оскал.

Язык подслащен, говорок не груб.
И томных лисьих глаз коварен взгляд.
Припрятан за бутоном алых губ
Змеиный клык, и в нем смертельный яд.

Но есть еще слой нижний, сверхсекретный.
Замком железным он надежно заперт.
Слой этот персональный и дискретный,
Опасен, страшен, как вулкана кратер.

В нем все ужасно - подлость и уродство,
Предательство и алчность, ложь и грязь.
Конечно, в жизни все отнюдь не просто,-
Ты с миром так "налаживаешь связь".

Ты открываешь нижний слой в то время,
Когда наедине сама с собой.
Как хищников бесчисленное племя,
Выходишь "на охоту" с темнотой.

Красивой жизнью гонор твой подкован,
Лишь деньги для тебя имеют смысл.
И, с ценностью духовной не знакома,
Иную в корне отвергаешь мысль.

Мила, "наивна" ночью, но наутро
Ты проявляешь редкостную прыть.
Нарывы и прыщи ты прячешь слоем пудры,
Отсутствие извилин париком не скрыть.

ВСТРЕЧА

Вот так встреча! Долго ж мы с тобою
Шли друг к другу. Рад тебе, не скрою.
Надо ж! Вновь пересеклись пути...
Что тогда нас резко разлучило?
Видно, жизнь по-своему учила,
Я же глупо дал тебе уйти...

Знаешь, ты мне очень часто снишься...
А мальчонка этот - твой сынишка?
Вы похожи с ним - одно лицо!
В снах моих мы нежно обнимались,
Словно вовсе и не расставались.
Спать бы мне так сладко без конца!

Замужем? И счастлива, наверное?
Ну а я, коль честным быть, то скверно.
Надоело все чего-то ждать...
Может, я пока того не стою,
Может, так дано моей судьбою,
Может быть, а может, нет, как знать...

Что-то в жизни явно не сложилось,
По-иному вихрем закружилось.
Брось, не повод это, не шути,-
Если ты осталась бы со мною...
Ты права, теперь уже не стоит
Рану понапрасну беречь.

Сколько лет уже по свету маюсь,
Мог давно осесть, жениться, каюсь,-
Некого в обход себя винить.
Все нормально, я давно спокоен,
Сердце только иногда занует -
Не пойму, куда идти, как быть...

А пацан твой очень даже славный,
И теперь, конечно, самым главным
Человеком стал в твоей судьбе.
Все. Пойду искать себе невесту!
Что не так? Опять шучу не к месту?
Крест такой, наверное, на мне.

Ты сейчас еще красивей стала...
Нет, я о другом, не угадала.
Что ж, возобновим беседы нить.
Почему? Уже пришли? Досадно...
Я хотел сказать... Не надо? Ладно...
До свиданья... Будем дальше жить.

Неспокойной тишиной рожденный ропот...
То ли тихий вскрик, а то ли громкий шепот,
Может, ржание коня, а может, топот,
Обрывок радости иль чей-то горький опыт.

Замри и слушай тишину сто лет -
Раз, может, снизойдет, а, может, нет,
Святая искра, лучезарный свет,
Как озарение, свечение комет.

Слова излишни, взгляд теряет смысл.
Бесценность обретает только мысль
И устремляется в заоблачные дали
Взор внутренний и глас земной морали.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Бывает, вдруг зимой умолкнут грозы
И солнце припечет на летний лад.
Распустятся теплу навстречу розы,
Утонет весь в цвету фруктовый сад.

Обманута природа, как девчонка,
И все вокруг, любуясь красотой,
Восторг щенячий изливают звонко,
Пренебрегая истиной простой.

Ведь за теплом ударят вновь морозы,
Сразит озноб разнежившийся край.
Навеки съежатся бутоны розы,
Погибнет, не родившись, урожай.

У каждого явления свой черед,
И каждому событию - свое место.
Бывает так, что движешься вперед,
Но в яростном движенье нет прогресса.

И коль не к месту расцветает роза,
И не ко времени, коль яблоневый цвет,
От красоты такой - одна угроза,
Ведь это следствие природного невроза.
Нет, не поэзия,- вполне земная проза.
Здесь для слепых восторгов места нет.

Хлещет дождь, орошая
 пустынного города чрево.
Косая струя беспощадно пронзает кожу.
Я иду и не вижу вокруг
 ни машин, ни людей, - ничего,
Потому что в глазах моих тоже дождь.

Ветер остервенело треплет мне волосы,
Словно в ветер этот вселился бес.
По лицу растекаются черные полосы
Туши, размытой влагой небес.

Вихрь прорвался, и вот уже
 буйствует в сердце души,
Опустошая ее, как пламя монгольского ига.
Пройдясь по живому, он
 идолов всех сокрушил.
Остался один лишь образ святейшего лика...

Не говори мне больше пылких слов.
Не траться попусту,- я им уже не верю.
Дурман вкусив однажды сладких снов,
Подобна я затравленному зверю.

Довольно, отведи свой нежный взгляд!
Увы, утратил он былую силу.
Теперь мне сердце ты затронешь вряд,
Пусть не вполне оно еще остыло.

Оставь густой поток избитых фраз
Бедняжке, что за мной взойдет на сцену.
Ты в жизни будешь лгать еще не раз,
А я словам твоим узнала цену.

МОРЕ

Зеленая бездна надежд и мечтаний,
Я вновь ощущаю дыханье твое.
О, море! Тобой восхищались веками,
Прекрасное в царском величье своем.

Трепещет твое беспокойное сердце,
Кипит и беснуется зыбкая гладь.
Гудящий прибой вдаль куда-то несется,
Пытаясь тоску и печали угнать.

Раскрой же мне тайну глубин своих, море!
Скажи мне, в чем кроется сила твоя?
Ты даришь покой, растворив в себе горе,
В волнах сокровенные думы тая.

И если не в силах я справиться с болью,
И если проблем моих водоворот,
К тебе тороплюсь, к голубому прибою,-
Знаю, ты смоешь с меня бремя забот.

Случайная встреча
Столкнула нас снова.
Кто мог бы подумать? - проделки судьбы.
Но ты не сказал
Ни единого слова
И мимо прошел, не узнавший, увы...

А может, узнал...
Растерявшись вначале,
За мигом упущенным гнаться не стал.
Рассудок шепнул,
Что бесследно умчалась,
Пора персонажей наивного сна.

Ты прав, вероятно,
И память тревожить
Нет смысла, нам незачем это с тобой.
Пути разошлись,
Все разумно, быть может,
Ведь оба довольны мы жизнью другой.

Немало воды
Утекло с того лета.
И ты изменился, и я уж не та.
Прикинь, неужели
Не стоят привета,
Обычного "здравствуй" былые года?

Я ВОССТАНУ ИЗ ПЕПЛА!

В час, когда я сгорю без огня,
но дотла, без остатка,
Я восстану из пепла.
Не воспарю, не исчезну,
не сгину, не пропаду,
А восстану из пепла.
Пусть земля под моими ногами
ненадежна и шатка,-
Я восстану из пепла.
Я дышу, - это значит, - живу и смотрю,
и иду,
И восстану из пепла!

Как Иса, я осталась одна
среди продажных иуд,
Но я восстану из пепла.
Не меня они сдали за тридцать монет,
а свою бессмертную душу.
Я восстану из пепла.
Среди останков их тел,
среди развалин, обломков и груд
Я восстану из пепла.
Все мосты за собою сожгу,
все оковы разрушу
И восстану из пепла!

Не боюсь умереть на войне,
я не ставлю на смерть,
Я восстану из пепла!
Со щитом я вернусь с этой схватки,-
это крестный мой ход.
Я восстану из пепла.
Не вберет меня бездна обид
и беды круговерть,
Я восстану из пепла!
Невредимой, живой я всплыву
из пучины невзгод
И восстану из пепла!

Я достойно пройду весь свой путь,
ступень за ступенью.
И восстану из пепла!
Снова зрячая я,
пусть на миг на короткий ослепла,
Я восстану из пепла.
Я начну все сначала, я смогу возродиться,
как Феникс,
И восстану из пепла.
Не расплавлюсь в огне,
а как сталь, закалюсь, и, окрепнув,
Я восстану из пепла!

Мне не нужно твое снисхождение.
Благосклонности тоже не надо.
Было мне прошлой ночью видение -
Плод раздора из райского сада.

Холодок откровенной жестокости
Мне понятней тепла мнимой совести.
Надоели лукавые тонкости
И с оскоминой слезные повести.

Я хочу прямоты, пусть безжалостной,
Не надежды, скрещенной с сомнением.
Квинтэссенцию ревности яростной
Исключают мои устремления.

МАРЬЯМ

Мой большеглазый светлячок,
Опять ты в сад идти не хочешь.
Опять под нос себе бормочешь,
Меня цепляя на крючок.

Спросонья лезешь обниматься
(Такой лохматый, теплый ком).
"Я видела чудесный сон,-
Ты мне позволила остаться..."

Как жаль, что номер не удастся.
Но светлячок мой снова в бой:
"Клянусь, тот сон был как живой,
Не мог он ложью оказаться!"

Не мог. Коль вы хотите знать,
Марьяша с клятвами не шутит!
И разве ж, посудите, люди,
Такие глазки могут врать?

Уж не впервой, придется сдаться...
А светлячок бежит к сестре:
"Проснись, Нигуля, поскорей,
Ты тоже можешь попытаться..."

БАЛЛАДА О СТРАСТИ

О чувственной любви романы пухлые читаю,
В плетеном гамаке весь день лежит она.
Потрепанную желтизну страниц листая,
Ждет с нетерпением, когда взойдет луна.

Светила диск прервет ее истому.
Унять пытаюсь в хрупком теле дрожь,
Собравшись наспех, выскочит из дому
И бросит на ходу дежурной фразы ложь.

И вот уже с оглядкой вороватой,
Стараясь встреч случайных избежать,
В заброшенный костел походкой виноватой
Вошла, чтоб до утра любви рабою стать.

Не эти ли мгновения ей снились?
А вот и он - спешит навстречу силуэт.
И два желания в едином стоне слились,
И два желания пустились в пируэт.

Рук ненасытных, губ испепеляющее пламя,
Противоречий бурю поборов,
Всепоглощающей любви возносит знамя,
В лохмотья разодрав стыдливости покров.

Торопится впотьмах слепая страсть
Несовместимое соединить наперекор рассудку:
Здесь нежности порыв, и здесь же власть
В войне миров сцепились не на шутку.

В восторге новизны, от умиленья тая,
Им в этот вечер явно не до сна.
Из века в век одно и то же наблюдая,
От скуки адской загибается луна.

СЕСТРИЧКЕ

Все повторяется опять,-
Неясность, мытарства, страдания.
Еще видна седая прядь -
"Подарок" прошлых испытаний.

Еще осталась резь в ушах
От слов врачей, предположений,
Еще в глазах таится страх
Туманных дней и всех сомнений.

И сердца стук еще не стих.
То мчится бешеным галопом,
То вдруг замрет, и вновь плохих
Раздумий гром ударит током.

Опять больничные палаты...
Чего Всевышний ждет от нас?
Бездушно-белые халаты
И заключений трезвый глас...

Бумаги, спешка, самолеты.
Круиз, навязанный судьбой...
Пройдет и это. Автостопом
Тогда объедешь шар земной.

Отбрось сомнения, прорвемся.
Не смей, ты слышишь, раскисать!
А первым делом, как вернешься,
Пойдем седую красить прядь!

Я

Я - мир и война, я - холод и страсть.
Я - горе и радость, покорность и власть.
Я - наслажденье и боль нестерпимая,
Я - одержимость и грезы незримые.

Я - камень и воск. Я - счастье и муки,
Объятья любви и слезы разлуки.
Я - вечная память, и я же - забвение,
Я - слепота и я же - прозрение.

Я - встреч упоение и боль утрат,
И руины я, и цветущий сад.
Я - лютый враг твой и преданный друг,
И бесконечность, и замкнутый круг.

Я - лед и огонь, я - буря и штиль.
Экстравагантность и фирменный стиль.
Застенчивый взор и суровый взгляд,
И лекарство от бед, и сильнейший яд.

Я - воля и рабство, я - сердце и ум,
Потертые джинсы и черный костюм.
Я мрак твой и свет, я - вечность и миг,
Порок твой и гордость, стон твой и крик.

Луна я и солнце, творец и творение,
И безысходность, и божье знамение.
Я - сон твой и явь, небеса и земля.
Я - нить Ариадны, и я же петля.

Я - страшный твой грех, и я - искупление.
Я - твой почет, и я же - презрение.
Я - жизнь и смерть, я - взлет и падение,
И карающий меч, и улыбка прощения.

Полынь луговая и сладкий нектар,
Проклятье твое и Всевышнего дар.
Я - соль земли. Я - рай твой и ад.
Реши для себя - ты мне рад или не рад...

Я помню из детства босого картину:
По пыльной дороге, на грузной арбе
Девчушка, держа на коленях корзину,
Везет ежевику на рынок в Кубе.

Ожили и трепет, и тайная зависть,
С какой провожала я взглядом арбу.
Какие мыслишки в головку закралась?
Где повод, малышка, роптать на судьбу?

Я помню дымка самоварного сладость
И запах горячего хлеба с печи,
И тетки моей неподдельную радость,
Когда мы рубали ее калачи...

Но память к чему ворошу неумную?
И мысли к чему по-былому снуют?
Быть может, когда-нибудь с нежностью вспомню я
Квартир городских перманентный уют?

Когда-то захочется, может, восславить
Не дым самоварный, а чайника свист?
И с теплыми чувствами в сердце оставить
Вместо "Лезгинки" нелепый твист?

Одно лишь бесспорно, что детство курносое
Навеки впитало в своей простоте
Любовь к незатейливой, скромной, неброской
И несомненной, меж тем, красоте...

УРОК ЛЮБВИ

Ты научил меня любить
Навзрыд, всей сутью, с головою.
Ты заставлял меня забыть,
Что суждено нам в мире быть
Былинкой легкой, трын-травую...

Я легкомысленно парила
И, окунаясь в облака,
О грезах сладостных молила,
Но в туч капкан я угодила,-
Ошиблась, кажется, слегка.

Раскатом грома оглушило,
И молния насквозь прожгла
Неосторожно два крыла.
А я безропотно сложила
Любовной лодки два весла.

Слепым кутенком жить обрек,
Лишь краем глаза свет увидев.
В ночи кружить, как мотылек...
Преподаю любви урок,
Ты разве же предвидеть мог,
Что так научишь ненавидеть?

*МОЙ
ВЕЛОСИПЕД*

МОЙ ВЕЛОСИПЕД

Очкарик мудрый мне дает совет:
"Бессмысленно изобретать велосипед!"
Действительно, глупей занятия нет,
А может мне изобрести мопед?
Но он ведь тоже ездит сотни лет...
И вот сомненьем ум уж мой задет,
Так что же мне сказать ему в ответ,
Чтоб не сошли мои усилия на "нет"?
Плевать на умников и умненький совет!
Ведь это **МОЙ ВЕЛОСИПЕД!**
Такого в мире больше нет!

МОЛЧАНИЕ - ЗОЛОТО

Мы друг друга понимаем
и без лишних слов:

С полутона, с полувзгляда -
никаких оков!

Мы друг друга понимаем
и без лишних слов -

Потому не наломаем
в разговоре дров...

БЕЛАЯ ВОРОНА

Не сладко быть вороной белой?
Куда уютней - черной, серой...
Весь мир единой судит мерой,
А ты живешь немодной верой.

Ты чувствуешь себя изгоем, -
Средь тех, кто каркает? - не горе.
Зато в ораве пустомелей
Ты - яркий свет в конце тоннеля!

ЗОЛОТЫЕ ИСТИНЫ

Выше своей головы - не прыгай!
Увязнув в болоте - ногами не дрыгай!
Волков боишься - в лес не ходи,
Рискуешь споткнуться - на месте сиди!

Истины бьют по сознанию молотом,
Но с них давно уже смылось все золото.
Ну, кто же до спелой дотянется груши,
Не попытавшись прыгнуть повыше?

ГНОМ

Гномик важным занят делом -
Хочет вытянуться в рост.
Надрывается всем телом,
Рост как будто в землю врос.

Тренажеры, бег, турник -
К спорту он всерьез привык
Но ответ загадки прост:
Дан в наследство гному рост...

СЛОН ПО КЛИЧКЕ БАРОН

Жил на свете добрый слон,
Слон - культурный эталон.
За приятные манеры
Звали все его Барон.

Как-то раз решил Барон
В модный выбратья салон.
И недолго размышляя,
Приобрел себе талон.

Дверь открыл, и тут Барон
Был ужасно удивлен:
Узкий вход в большой салон
Не рассчитан на слонов!

- Что за шутки, что за тон!
Я уже купил талон! -
В спор с хозяином салона
Яростно вступил Барон.

Возмущен и оскорблен,
В нем теперь проснулся СЛОН.
Крики, стон, посуды звон,
Как хозяин потрясен!

В щепки, в пыль разнес салон
В полчаса - какой урон!
И с тех пор зовется он
Не Барон, а ПРОСТО СЛОН.

ДОЧЕНЬКЕ

Мое прекрасное создание!
Так сильно жаждешь ты вниманья,
Что часто, притворясь глупой,
Толочь готова воду в ступе!

Не смей сгибаться! Пусть тупицы,
Пытаясь скрыть под маской лица,
Надменно корчат умный вид.
Не стоит мир твоих обид!

Иди вперед! Лети повыше!
И будь такой, какая есть -
Не тише мыши! Выше крыши
Пусть гордость бьет в тебе и честь.

ВОСПИТАТЕЛЬ

У детской площадки на лавке удобной
Безусый пацан с наслаждением курил.
А рядом старик седовласый и добрый
Ему о вреде сигарет говорил.

Как организм отравляет он свой,
Как разрушает озоновый слой,
Как убивает коня никотин,
И кучу рисует страшных картин.

А на десерт огорошил юнца,
Прямым предсказаньем плохого конца:
Что вряд ли дотянет до первых седин
Тот, кто страдает пристрастьем таким.

Довольный, закончил старик свою речь,
Словно свалилась гора с его плеч.
Достал из кармана большущую трубку
И дыму вокруг напустил не на шутку.

ГДЕ ОНА, ПРАВДА?

Кто-то ходит окольной тропой,
Там, где можно идти по прямой.
Кто-то смотрит сквозь пальцы, - дурак.
Когда действенной сжать кулак!

Сколько манны небесной ни жди,
Результат все равно один.
А пока мы отмерим семь раз,
Кто-то шустрый отрежет за нас.

СМЫСЛ БЫТИЯ

Не падай духом где попало!
Поверь мне - проку в этом мало.
Лежачих бьют с особым рвением
И им плевать, что ты умнее!

Не верь себе, что ты никчемный,
Что даром мама родила.
В тебе сидит дух неумный,
Буди его! - и все дела...

ПРАВДА ИЛИ ЛОЖЬ

Черная ночь белее белого тумана, -
Пусть она темна, но все же без обмана.
В темень включишь лампу - и развеешь мрак.
Но в любом тумане - неизвестность - враг.

Горькая правда слаще сладкой лжи,
Хоть ты в ложь бочонок меду положи.
В море лжи захочешь правду утопить,
Но она и мертвой не замедлит всплыть.

ШУТНИК

Жил пастух - шутник известный,
Пас овец в чудесном месте,
К шуткам был всегда готов -
Не искал в кармане слов.

Вот сидит он на холме,
Но одно лишь на уме:
Как народу фору дать,
И кого бы разыграть?

Встал во весь свой рост шутник
И поднял ужасный крик:
- Эй, народ, - кричит герой, -
Волк замечен под горой!

Прибежали тут крестьяне -
Кто с лопатой, кто - с сетями,
А пастух, как лошадь, ржет -
Здорово провел народ!

Что поделать! Шут и хам...
Разошлись все по домам.
Лишь шагнули за порог -
Шут опять трубит в свой рог!

Пуще прежнего кричит:
- Вижу хищника! - твердит.
Прибежали. О, Аллах!
Вновь крестьяне в дураках.

Вот проходит день иль два,
Скучно парню у холма.
Вдруг внизу заметил тень -
Волк идет, и не один!

В страхе люд зовет пастух.
Люд же словно нем и глух.
- Все на помощь! Поскорей!
У холма полно зверей!

Но пока кричал пастух,
Надрываясь, как петух,
Разодрав отару вмиг,
Волки справили пикник!

Сел пастух - шутник известный -
Без овец в чудесном месте.
В размышленьях есть ли прок?
Дело тонкое - восток...

ЗВЕРЬ, КОТОРЫЙ В ТЕБЕ

Живет в человеке могучий зверь.
До поры притворяясь покорной рабою,
Незаметно в сердце проникнет и дверь
Тихонько закроет он за собою.

Зверь под контролем, под крепким замком,
Как надежной броней, укрыт он душою.
Но стоит расслабиться он - как дракон
Грозит обернуться бедою большою!

Вулкан просыпается! Лава, огонь -
Из недр вырывается зверь на свободу!
Теперь он всемогущ! Он - правит тобой.
И поздно. Нет смысла на пепел лить воду...

ПАРАДОКСЫ ФИЛОСОФИИ

В сквере гулял человек с полметра,
Видит - кожанка банана лежит.
Думать не стал, наступил - да так метко! -
Навзничь упал и от боли кричит.

Встал, отряхнулся, похныкал - и дальше
Мир познавать мужичок побежал,
Банку - жестянку увидел и даже
Ногу поднял было, - но... удержал.

Из опыта жизни мы черпаем мудрость,
Но возникает резонный вопрос:
Источник опыта - разве не глупость?
Вот в чем истины сей парадокс.

И да простят мне философы мира,
Но иногда замыкается круг -
Учась на ошибках - своих иль кумиров
Лишь ошибаться научимся вдруг...

ДВЕ ДУШИ

Две души сидят во мне,
Не в ладах между собою, -
То одна - сидит в седле,
То другая - лезет с боем.

Лень - зовут одну, так та
Жаждет только лишь покоя.
А трудяга занята
Вечно делом, вечно - стоя.

Вроде все, как у людей:
Руки целы, варит мозг.
В голове полно идей,
Да и планов - целый воз.

- Я ж Трудяга, не бездельник,
Все! За дело! Вдруг очнусь.
- Стоп! Наступит понедельник -
Вот с него - то и начну!

Наступает этот день.
Ковыряясь, как глиста,
Снова нудно ноет лень:
- С чистого начну листа!

- Как же так! Ты обещал!
Встань! - Трудяга призывает.
- Кто тут снова запищал? -
На диване лень зевает...

Друг мне весточку прислал:
"Есть работа, приезжай".
- Нет уж, с первого числа
Я начну. Мне очень жаль...

Так и борются во мне,
Не в ладах между собою,
Две души: одна - в седле,
А другая - лезет с боем.

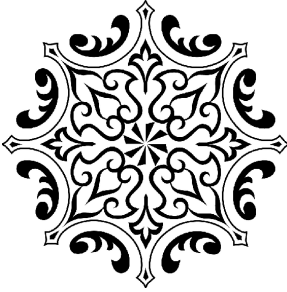
ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Ты - здесь и сейчас. Не ищи себя в прошлых мирах.
Делай то, что умеешь делать лучше всего.
Все слова типа "если" и "кабы" - просто мираж.
Ты здесь и сейчас, и реальнее нет ничего.

Делай то, что умеешь, не будь хозяином грез.
Грезы сердцу приятны, но если под ними нет почвы,
Заблудиться недолго, заложником став трех берез.
Делай то, что умеешь, и умение оценивай точно.

Все слова типа "если" не подпускай к себе более.
Что имеешь сегодня? Лишь это прими за костяк.
Трезвый ум, благородное сердце, железная воля.
А слова типа "если" выдирай на корню, как сорняк.

*БАЛЛАДА
О КИРИ БУБЕ*

В ГОРАХ ЕГО СЕРДЦЕ

Горный аул. Девятнадцатый век.
Дикие нравы, но чистые помыслы.
Жил в том ауле - пока не абрек -
Самый простой молодой человек.
Честный крестьянин, любивший свой промысел.

Буба - так назвал его дед,
Старый лезгин, в честь отца своего.
" О, мой Аллах, пусть оставит свой след,
Доблесть прославит на тысячу лет
Внук мой. Дай сил мне направить его".

Джигит между тем возмужал и окреп.
Горячее сердце кипит благодетством.
В поте лица добывая свой хлеб,
К бедам людским был не глух и не слеп,
За справедливость умел побороться.

Нравилась парню соседская дочь.
В душе распевал он любви своей гимны,
Думал о ней напролет день и ночь.
Что в таких случаях может помочь?
Взгляд, говорящий, что чувства взаимны.

Но на окраине жил - не тужил
Царский наместник - развратник и плут.
Он на красавицу глаз положил,
Грязною мыслью ее осквернил,
И своего добивался как спрут.

Недолго раздумывал смельчак Буба.
Ружье отцовское снял со стены, -
Прикончить подонка велела судьба,
Ради любимой не дрогнет рука.
Ее имя и честь будут им спасены!

Выстрелы, крики в ночи, - дело сделано.
Вот и свершился праведный суд.
Не пожалев никогда о содеянном,
Для власти богатых незримым стал демоном,
Средь бедных прослыл, как свой Робин Гуд.

Много лет грабил, но не был грабителем,
Все, отдавая тому, кто в нужде.
Горы признал своей вечной обителью,
И если беспомощных где-то обидели,
Он никого не оставил в беде.

Добрых полвека абрекствовал он,
Полвека гналась за ним вся жандармерия.
Резок и быстр, как арабский скакун,
Неуправляем, как целый табун,
Он мог один одолеть кавалерию.

Легенды слагались в лезгинских домах
О том, что не властно над демоном время.
Старел он, но также внушал дикий страх.
Чины появляться боялись в горах -
Им ужас внушало одно его имя.

Но храбрость и подлость соседствуют вечно.
Иуда присутствует в каждом краю.
В гостях у друзей задержавшись беспечно
(В компании друга часы быстротечны),
Герой пострадал за ошибку свою.

Царский отряд дом под утро в кольцо
Взял по наводке, без всяких помех:
" Ты окружен, - выходи на крыльцо,
Папахуними, покажи нам лицо,
Сдайся и выбрось ружье, руки вверх!"

Хозяйка накинула наспех одежду:
"Они сожгут дом и погубят тебя!
Что станет с народом, лишенным надежды?
Им вновь будут править шуты и невежды,
И плахами станут опять тополя".

"Мы все умираем, - ответил Кири, -
Но смерть очень важно и встретить достойно.
Надежду Аллах Всемогуший вселит.
Сегодня судьба мне погибнуть велит,
А завтра, я верю, придут еще воины!

Запомни: неведом отчаянью страх.
Не зря ведь я грешную жизнь свою прожил.
А подлость - и держится на подлецах.
Нависнет над ними отцов наших прах,
И ворон над ними давно уже кружит".

"Пусть проклятым будет навеки стукач!" -
Рыдает старушка в объятиях сына.
"Не надо, диде, успокойся, не плачь.
На каждую силу,- пусть знает палач, -
Гораздо страшнее отыщется сила!

Кирибуба никогда не умрет,
Дух его будет витать над горами.
Коль сунется враг - пусть пощады не ждет.
Мы, горцы - не те, кто терпеть станет гнет,
А наш Робин Гуд всегда будет с нами!"

"Не выходите за мной, я прошу
И до рассвета не трогайте тела.
Я честью народа всю жизнь дорожу,
И смертью своею ему послужу,
Как в песне младенчества мать моя пела".

Абрек не допустит, чтоб дом пострадал, -
Надменно посмотрит в глаза самой смерти.
От ужаса нервы сдают у солдат:
"Ну, выходи же, кончай маскарад!
Ребята, винтовки еще раз проверьте!"

И вот он выходит, бесстрашен и горд -
Гроза угнетателей, символ Фемиды.
Вот он какой, атаман этих гор:
Улыбка насмешки, орлиный взор
И космы седые, видавшие виды.

Он с силой ружье свое в землю воткнул
И, навалившись, оперся руками.
Взглянув на вершины, он словно заснул,
Мигнул на прощанье огнями аул,
И тут же огни замелькали кругами...

Изрешетив атамана насквозь,
Жандармы от страха, как вкопаны, стали.
"А может, не ранен? Не ранен, небось...",
И снова град пуль, напрямую и вкось,
Но он не упал, нет, напрасно все ждали.

Прячут солдаты трусливые взгляды,
Растерянно смотрит на них командир.
Десятками валят другие отряды,
Никто не рискует пойти и, встав рядом,
Узнать, что за бред вытворяет кумир.

Тонну свинца в мертвеца положили,
До самой зари измывались над ним.
Последнюю службу ружье сослужило,
С себя даже смерть полномочья сложила,
Но образ остался неколебим.

И лишь когда ночь приближалась к рассвету,
И небо слегка заалело зарей,
Мальчишку из новых послали в разведку,
И тот осторожно внимая совету,
Оружие вынул, светя фонарем.

И тут же слетелась орава кайот,
Чтоб голову наспех ему отрубить.
Им чудилось: он вот-вот оживет.
Но сделано дело. Добычу - в мешок,
И можно теперь о победе трубить!
Обманчива часто счастливая весть.
Царь-батюшка во всеуслышанье, громко,
Велел горцу голову буйную снести,
И во дворец ему лично принести
На блюде златом, с голубою каемкой.

Пусть голова, не имея цены,
С пламенным сердцем разлучена.
Что губернаторы ей, что цари?
(Надолго нарушены были их сны).-
Да, снесена, но ведь не склонена!
Она - как орудие вечной вины,
Напоминая о том, что грешны,
Что сила народа не истощена.

А сердце - оно ведь осталось в горах,
Оно ведь дарует тепло и надежду.
Да, больно, но больно на первых порах,
Потом понимаешь - он в лучших мирах,
А сердце мятежное с нами, как прежде.

Его хоронили крестьяне и знать,
Десятками тысяч стекались мужчины.
Жандармы не смели и носу казать,
Решили лишь издали понаблюдать,
Не пробуждая народного мщенья.

Надпись на камне могильном гласит:
"У жизни Кири не выпрашивал брода,
В истории нашей оставил свой след,
И доблесть прославил на тысячу лет.
Да будет он вечно в сердце народа!"

*ПЕРЕВОДЫ С
ЛЕЗГИНСКОГО*

НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ, ЧЕТВЕРОСТИШИЯ О КИРИ БУБЕ

Вокруг Дербента чистые ручьи,
Пусть не иссякнут воды родника.
Нам всем опора - наш Кири Буба.
Нужда в таких героях велика!

Прискачет среди ночи наш Буба,
И звуки выстрелов до нас дойдут.
На сходке у мужчин идет борьба -
Он, как судья, вершит над ними суд.

Помог он всем, к кому пришла беда,
Буба, что из Кири - лихой джигит.
Хоть взяться за ружье заставила нужда,
Но суд по справедливости вершит.

Единственный отрезав путь в горах,
В засаде казаки стояли в ряд.
"Эй, оглянитесь и уймите страх,
Сейчас я уничтожу ваш отряд!"

Рахи - мудрец из мудрецов,
Всегда с ним вместе был в строю.
Всегда и двадцать молодцов
Сильнее армии в бою.

Буба, вернувшись, посетил могилы,
"Унес" его там времени обоз.
Отца его когда-то молния сразила,
И выпало ему тянуть эпохи воз.

Искусно пущенный Бубы рукою нож
В мгновенье ока расстояние пронзил.
И с огненной стрелой молний схож,
Наместника среди своих же казаков сразил.

Усур облетела счастливая весть,
На сходке села появившийся вновь,
Предотвратил Буба кровную месть, -
В день святой пятницы не пролил он кровь.

Кири Буба - ну кто ж его не знает?
Он семь хребтов способен проскакать,
Помочь везде, где нужно, успевает,
И истины провозглашает власть.

Он ужас на врагов навел,
Он страх в их душах поселил.
И в честь народа своего,
Дела великие творил.

Белую бурку Буба подарил, -
Надену - от гордости сердце поет.
Не беспокойся, Буба, не грусти,
Аллах Всемогущий нас всех бережет.

С тобой хоть землянку делила бы я,
Горда только тем, что ты мой.
Подаришь хоть зернышко - греет меня,
Пусть даже не будешь со мной.

Муллы меховую накидку, шутя,
Отдал бедняку, чтоб укрылся от стужи,
Трясется наместник, трясется судья, -
Одно его имя им головы кружит.

Народ прокликает старую бестию,
Со злым, нечестивым лицом.
Кири Буба был воином чести,
Красавцем и храбрецом.

Буба пришел в деревню, говорят,
И с ним его джигиты - целых пять!
Чиновники со страхом вслед глядят,
Никак не могут дрожь свою унять.

Когда-то были все за одного горой,
Теперь же я один за всех в ответе.
Коль топчет кто-то истину порой, -
Пусть знает, что Буба его приметит.

Бубу водой прохладной напои,
Скажи, как мне благодарить тебя?
Пускай Аллах от бед тебя хранит,
И счастьем одарит тебя, любя.

Вниз, словно сокол, с горы налетел,
Кири Бубы непокорный отряд.
Даже моргнуть враг, увы, не успел, -
Всех казаков порубили подряд.

Кири Буба - не дьявол, не бандит,
Не уничтожит он и сена стог.
В руках героя серебро блестит -
Он стольким людям в их нужде помог.

Сегодня свадьбу играют в селе
Зурна, барабан, - музыканты в ударе.
А люд без вина даже навеселе, -
Буба придет скоро и деньги раздарит.

Комендант встревожен не на шутку,
Бубу арестовать он шлет полки.
Но встреча с ним их напугала жутко,
Сбежали без оглядки казаки.

Войска явились, одолев ущелья,
Но в панике ушли через поля.
Кири Буба смертельно ранил зверя, -
От вопля содрогнулись небеса.

Был в доме друзей он, в родимом краю, -
Его окружили не в честном бою.
Десятки стреляли в Бубу одного,
Но лишь возвеличили имя его.

С небес да на землю спустил нас кумир,
Великое горе как нам пережить?
Буба, чье сердце вмещало весь мир,
Безжизненным телом в телеге лежит.

Смертельный огонь сразить его смог,
Лучше б искры его мое сердце пронзили.
Сотня пуль не сумела свалить его с ног,
Мечтал бы иметь я подобную силу.

Народ лезгинский потерял отца, -
Мы траур по нему в душе храним.
Но гордость наполняет нам сердца -
Он даже в смерти честь не уронил.

В Бубу стреляли сорок человек,
И сорок ружей до утра палили.
Он в дураках оставил их навек:
Чья пуля все же храбреца убила?

Промчалась о смерти Бубы злая весть,
Как пуля, земли не касаясь.
Сон, что недавно приснился, как есть,
Вещим, к беде, оказался.

Ибилу дали сто ударов палкой,
А у жандарма - рожа палача.
Погиб Буба, погиб джигит удалый,
Пятьсот патронов полных на плечах.

В листве зеленой сел Буба в засаду -
Огородите дерево почетною оградой.
Герой убит, а боль не выразить словами,
Пусть похоронен будет в дорогом саване.

Патронташ твой пуст наполовину,
Рука на нем, и ты стоишь, смеясь.
Когда Буба мир навсегда покинул,
Где были верные его друзья?

Подонка, что подло предал Бубу,
Суровая кара Аллаха найдет.
Теперь он навеки прикусит губу,
И семь кругов ада за это пройдет.

Живую ограду наместник властей
Выставил из казаков и кадетов.
Отрезан от мира, лишенный вестей,
Ну, как же друзья не узнали об этом?

В чемодане старом патронташ,
Бубой оставлен, ржавчиной покрылся.
Погиб Буба, погиб защитник наш -
Народ лезгинский в траур окунулся.

Что с того, что богатырь он был?
Что с того, что стал неуязвимым?
Что с того, что пятерых валил?
Если он не может быть с любимой?

Наш светоч, отец наш, защитник, Буба,
Вставай, казаки нашей кровью нас потчуют,
Встань из могилы, вставай же, Буба,
Враги твою землю родимую топчут.

Машина едет городской дорогой,
Вмиг исчезает вслед за нею дым.
Буба, где резвый конь твой? Слишком скоро, -
Гнедого скакуна и след простыл.

Любимчик Бубы, - шустрый, пегий скакун,
Плача беззвучно, хозяина ждет.
Жаль мне коня, - не уймет он тоску,
К верному другу Буба не придет.

Патронницу давно изъела ржа,
И за ружье Буба давно не брался.
Враги над нами коршуном кружат,
Хозяин гор в горах не появлялся.

Сломалось колесо, телега стала, -
Когда на каменистый путь пришли.
Лезгинов землю пламенем объяло,
Когда Бубу на кладбище везли.

Царь Николай за голову Бубы
Награду очень щедрую назначил.
Но сорок казаков! - ирония судьбы, -
Указ сей очень сильно озадачил.

Самур повернет свое русло вспять,
Коль к морю не сыщет дорогу вода.
Потерю Бубы невозможно принять,
Курахские горы настигла беда.

Туманом черным принакрылись горы,
Зима пораньше нынче занялась.
Объят народ лезгинский горем
Кири Буба навек ушел от нас.

В доме жителя села Рухун
Постелили ковrolит цветной.
Если я направлюсь в Касумхур,
Успею ль мертвый лик увидеть твой?

Для Шахи черным стал весь белый свет,
Убором черным голову укрой.
Любимого Бубы теперь уж нет, -
На проводы иди, народ, гурьбой!

Коснулась весь народ утраты боль,
Но коменданта мучает мозоль:
Он фотографию, что царь велел доставить,
Никак не может вовремя отправить.

Ослепните, свиньи, на землях обжитых
Не будет рабом наш лихой удалец.
Ваша дружба, видать, белой ниткой прошита,
И это народ осознал, наконец.

Али и Ахмед - даже в смерти друзья,
Буба на арбе между ними лежит.
Его фотографию бережно я
На стену повешу, пусть враг наш дрожит.

Али и Ахмед, посредине Буба -
И в смерти не развела их судьба.
Буба - наш герой и отважный джигит
В дербентской сторонке в могиле лежит.

Кири Бубы ружье замолчало, -
Оно нежданно выстрелит, сестра.
Отвага в сердце молотом стучала,
Побольше б нам таких парней, сестра.

Широкий мир нам тесным стал,
Пусть тех, кто виноват, расплата ждет.
От гнета тяжкого народ устал.
Бубы потомки! Родина зовет!

Всевышний, балкон на вершине горы,
Солнца лучами прогретый, сложи.
Я горстку муки, как Аллаха дары,
Приму, но с Бубой чтоб всю жизнь там прожить.

Отправлено возлюбленной письмо.
Получит ли она когда-нибудь его?
Не суждено влюбленным вместе быть,
Как без нее, Буба, ты сможешь жить?

С лебединой шеей, белолица,
Лани ты стройней, моя любовь
В сердце лишь одна, - она мне снится,
Я тебя увижу ль, Шаха, вновь?

Шахи речам и смыслу мудрых слов
Буба внимать послушно рад.
Но дни и ночи для своих врагов,
Шутя, он превращает в ад.

Свою любовь надеялся вернуть,
Но в спину выстрелом муж Шахи ранил в грудь.
Кири Буба - скала, утес, гранит, -
Сражен любовью, раненный лежит.

Спросили его: "Как рана, болит?"
Ответил Буба отважно:
"Если сердце любовью горит,
Раны от пули - не страшны".

Кири Буба, - ты слава, гордость наша,
Но в голосе твоём такая грусть.
Сжигает твоё сердце боль о Шахе
Могиле пламя боли не задуть.

В печальных песнях Шахи столько боли, -
Пронзила боль все семь пластов души.
Огонь любви стал, вырвавшись на волю,
Огнем, Бубу на подвиг вдохновившим.

Тысячи девушек ищут глазами героя,
Мечтая хоть мельком взглянуть на него, хоть разочек.
Но сердце в груди его лишь об одной только ноет, -
О Шахе любимой, её только видеть он хочет.

РАССКАЗЫ

ИСКУПЛЕНИЕ

Доктор Ашрафли проснулся поздно. Голова гудела так, словно двадцать музыкантов духового оркестра, направив дула инструментов прямо в его ушные раковины, исполняли самые современные произведения, которые отыскивали в своем репертуаре. Он наморщил лоб и застонал. Снизу, с первого этажа его большого особняка, доносились громкие голоса, веселый смех, звуки музыки.

Ильдырым вспомнил вчерашнюю ночь. Поздно вечером, часам к десяти-одиннадцати, позвонил его хороший знакомый.

- Доктор, добрый вечер. Это Руфат, из Минобразования.
- Да, да, дорогой, я узнал тебя. Надеюсь, ты в порядке? Как спина, не беспокоит?

Несколько месяцев назад он прооперировал Руфата, у молодого перспективного куратора министерства обнаружилась позвоночная грыжа. Длительные лечебные курсы не давали никаких результатов. Не в силах более терпеть адские боли, знакомый обратился к нему, решившись на хирургическое вмешательство. К счастью, операция прошла как нельзя удачно. Ильдырым помнил, каким щедрым оказался его пациент. Руфат не только отстегнул доктору кругленькую сумму, но и, рекомендуя его всему своему окружению как блестящего хирурга, пару раз направлял к нему "хороших" клиентов.

Не то, чтобы для Ильдырыма деньги были главнее всего на свете, но материальное благосостояние очень много значило в его жизни. В молодости он был способен на бескорыстные поступки, и им порой могли двигать высокие идеалы. Но с возрастом он пришел к твердому убеж-

дению, что альтруистские порывы не что иное, как чушь собачья. Каждый человек сам выбирает себе образ жизни,- думал он. Иные благородно идут по пути самопожертвования и до конца дней своих копошатся в бедности, как в грязи. Очень скоро они оказываются в тупике, их перестает уважать общество и ближайшее окружение. Да что говорить,- они и сами, в конце концов, перестают себя уважать, и те, ради чьего имени они пренебрегали материальным и возвеличивали мораль, вряд ли будут им благодарны по гроб жизни.

Другие, к коим доктор Ашрафли причислял и себя, изначально раскрыв хитроумные замыслы мироздания и отбросив в сторону ложный романтизм рыцарства, выбирают верный путь. Они срывают с древа жизни все блага, до которых могут дотянуться всеми правдами и неправдами, и становятся уважаемыми людьми, хозяевами жизни, вершителями судеб. Наверняка,- размышлял Ильдрым, - и Создателю (коль ему есть до нас дело) по душе, если его Главное Творение умеет прошибать лбом стену, прорубать себе дорогу, используя руки, ноги, мозги, временно вверенные ему свыше. Разве интересно ему будет наблюдать за тюфяком, прозябающим в бедности, прикрываясь бескорыстием?

Таким образом, слово "альтруизм" для доктора Ашрафли было максимально близко по значению со словом "идиотизм". Давным-давно поклялся он себе, что никогда, НИКОГДА не позволит себе заморочиться такими пустозвонными понятиями, как "добро", "совесть", "благородство", "самопожертвование".

- Знаешь, Ильдрым, - сказал ему как-то его, покойный ныне, друг, коллега и в какой-то мере даже наставник, - Я где-то вычитал, что совесть - глас Всевышнего, звуча-

щий в человеке, и прислушиваться к голосу совести - все равно, что следовать зову Творца. Но, сам посуди, разве можно добиться успеха в нашей профессии, если улавливать все посторонние, отвлекающие звуки внутри тебя? Так что по мне - пусть совесть - голос Бога, но Бог нам самим предоставил это право - слушать или не слушать его. Я даже скажу тебе по-другому, друг мой, - продолжил умудренный жизнью доцент медицины после непродолжительной паузы, откинувшись и утонув в удобном кожаном кресле, - совесть никогда не будет зудеть и приставать к тебе, если сам не взвалишь ее на собственные плечи.

Эти слова стали для Ашрафли своего рода девизом жизни. "Не взваливай совесть себе на плечи, и она не будет ездить на тебе".

Голос в трубке продолжал:

- Тут такое дело, Ильдрым муаллим. У моего соседа после четырех дочерей наконец-то должен родиться сын. Но у жены его внезапно отошли воды, на месяц раньше срока...

- Дорогой, боюсь, это уже не в моей компетенции... - вставил было доктор, но напористый молодой человек перебил его:

- Да нет, вы послушайте. Беременность у нее протекала очень тяжело, и с самого начала они взяли курс на кесарево. Но дело в том, что врач, которая наблюдала больную и должна была провести операцию, до конца недели в отъезде, умотала на какой-то симпозиум.

Ильдрым промолчал, и парень, словно уловив ход его мыслей, поспешил продолжить:

- Сосед мой - парень что надо, "правильный", за ценой не постоит. Главное, чтобы с женой и наследником все было нормально. А незнакомым, по понятным причинам, доверяться не хочет.

Хирург лихорадочно обдумывал ситуацию. Родильное отделение в Центральной городской клинике, где он работает, находится под хирургией, этажом ниже, и договориться с дежурным врачом ему по сути ничего не стоит. Да и куш, надо полагать, он сорвет неплохой. Учитывая, что завтра у сына день рождения - совершеннолетие, которое бывает не каждый день - "пучок зелени" не помешает, а напротив, будет очень даже кстати.

- Ну, так как, доктор, возьметесь за это дело?

- Возьмусь. Везите ее в клинику. Я сейчас оденусь и тоже подъеду. Только вот что, Руфат. Ты меня знаешь, я благотворительностью не занимаюсь. "Штука" сразу после операции.

- Заметано, доктор. Спасибо.

Случай действительно оказался тяжелым. Комплекс неблагоприятных факторов, самые невинные из коих - обвитие пуповины, неправильное положение плода и полный отход околоплодных вод, дополнял букет различных проблем матери. Однако, все обошлось, и "клиент", увидев с позволения врача красное, сморщенное лицо наследника и безмятежно спящую после наркоза жену, тая от умиления и счастья, расщедрился не на шутку. А команда эскулапов с чувством выполненного долга распила за скупым поздним ужином (или ранним завтраком?) бутылочку дорогого вина, преподнесенного молодым папашей.

Доктор заставил себя подняться и принять душ. Немного полегчало. Одевшись, он спустился вниз и прошел на кухню.

- Доброе утро, дорогая, - обратился он к жене Саре, которая всю развернула здесь кипучую деятельность. Сегодня вечером в тесном кругу друзей и родных Ашрафли собирались справить восемнадцатилетие Танрыма, их единственного сына.

- Доброе утро, Илим, - ответила Сара, обернувшись. - Хотя с полным правом я могла бы сказать "Добрый день". Ведь уже двенадцать, и ты опоздал на работу.

- Я предупредил коллег, что буду поздно. Хотел отоспаться. А где Танрым?

- Дома, с друзьями. Он решил, что днем повеселится с ними. Так что в гостиную лучше не входить.

Однако, невзирая на осторожное предупреждение жены, Ильдрым направился в залу. Посреди комнаты был накрыт стол - то ли к завтраку, то ли к обеду, - но еды на нем уже не было. Грязные тарелки терпеливо ждали, когда их соберут и унесут на кухню. Фужеры с недопитыми напитками, сгрудившись в центре, образовали своеобразную баррикаду.

Музыкальный центр в углу надрывался голосом Энрике Иглесиаса, а молодые люди, усевшись вокруг журнального столика, увлеченно о чем-то беседовали. Вернее, говорил один Танрым, остальные четверо друзей покачивались со смеху.

Завидев старшего Ашрафли, они обернулись и поздоровались почти хором:

- Здравствуйте, дядя Ильдрым.

- Здорово, молодежь, здорово.

Танрым поднялся навстречу отцу.

- Ну, сын, с прибытием тебя во взрослую жизнь. Хочу, чтобы ты научился крепко держаться на ногах и упорно добиваться желаемого.

- Спасибо отец, постараюсь. Кстати, насчет добиваться... - Парень хитро покосился на него. - Обещанный мне подарок будет сегодня?

Ильдрым улыбнулся и достал из кармана брюк ключи от новенькой иномарки. Новорожденный, издав какой-то нечленораздельный звук, похожий на боевой клич индейцев вуду, подпрыгнул от радости. Он выхватил ключ и даже забыв поблагодарить того, кто доставил ему эту радость, повернулся к товарищам и с разбега прыгнул на них. Сбив друзей с ног, они все вместе прокатились по полу, образовав один большой клубок.

На работе доктор появился уже во втором часу дня. В ординаторской он застал пожилого, чересчур серьезного доцента кафедры хирургии Медицинского Университета Расима Алибейли и беспечного весельчака, являющегося душой компании, Мурада Хашимова. Последний, казалось, всегда только тем и занимался, что подшучивал над медсестричками и санитарками, а потому слыл "вечным холостяком", хотя уже давно обзавелся женой и двумя детьми.

Мурад пытался расшевелить чем-то недовольного Расим муаллима, без умолку болтая, перескакивая с одной темы на другую. То он с иронией рассказывал об очередных выходках депутатов в Милли Меджлисе, то, спустя

минуту, решал проблемы мирового футбола. Единственная женщина-хирург в их коллективе,- худая и немногословная старая дева Периханум Эйвазова в огромных черепашьих очках с переливающимися цветными стеклами сидела за столом у окна и заполняла истории болезни.

Обменявшись приветствиями с коллегами и перекинувшись с ними парой новостей из врачебных будней, Ашрафли отправился по палатам и обошел всех своих больных. Затем он решил навестить вчерашнюю роженицу, но так как она, еще не до конца отойдя от наркоза, мирно дремала, вернулся в свое отделение. Ильдырым попросил медсестру угостить его чаем и уселся в ординаторской с газетой, оставленной кем-то из персонала.

В отделении царила полная тишина. Так было всегда в послеобеденное время, в "межменку", как называли этот час медсестры. Пока Ильдырым делал обход, его коллеги успели разъехаться по домам. Дежурил сегодня молодой, очень грамотный, но бесперспективный, как считал Ашрафли, врач Рамиз Салимов,- длинный, как жердь, неуклюжий и застенчивый парень. А бесперспективный - потому что принадлежал к тому самому разряду бескорыстных людей, которых Ашрафли не особо жаловал.

На "пятиминутках" или на собраниях в кабинете заведующего хирургическим отделением профессора Эфендиева М.А. при "разборе полетов" почему-то Рамиз почти всегда оказывался "крайним", даже тогда, когда на самом деле к разбираемому происшествию никакого отношения не имел. Он никогда ни словом, ни жестом не прекословил профессору, не выступал в свое оправдание, и мало того - краснел, дергался, заикался, и, в конце концов, произносил ожидаемую от него фразу типа "Прос-

тите меня, Мушви́г Арифович, это больше не повторится", тем самым полностью взваливая на себя чужую вину. В такие моменты он, весь съезжившийся, в старомодных роговых очках, с выступившими на лбу и кончике горбатого носа капельками пота, походил на нашалившего школьника в кабинете директора.

Медсестра Айсель успела доложить доктору Ашрафли, что Рамиз (здесь она сделала паузу и почему-то улыбнувшись, добавила: "муаллим") отпросился у профессора до шести часов вечера, так как должен быть на поминках бабушки жены.

- Мушви́г муаллим отпустил его, пообещав задержаться на работе и подежурить до его возвращения. Но полчаса назад его вызвали в министерство, и он ушел, очень торопясь.

Кроме того, - продолжала тараторить словоохотливая сестричка, - Рамиз муаллим заблаговременно предупредил о своем отсутствии дежурного врача из терапии доктора Мамедова и попросил до его появления "приглядывать" за хирургией.

Ильдрыма покори́ла такая излишняя озабоченность, неискренняя, как ему казалось. И внутренне презрительно усмехнувшись пошаговой скрупулезности и повышенному чувству ответственности "Чаплина", как называл его за глаза персонал, он уткнулся в свои бумаги. В общем-то, Ашрафли давно пора было уходить, но так как он появился сегодня на работе лишь к концу смены, решил задержаться немного и закончить записи в историях болезни.

Он успел исписать всего полстраницы стационарной карты, когда в комнату без стука вбежала Айсель.

- Доктор, там привезли больную. Тяжелый случай, ка-

жется, перитонит. Кямал муаллим просит вас подойти.

Ильдрым нехотя поднялся и направился в комнату для осмотра. В коридоре еще издали он заметил сидящего на скамье мужчину в возрасте, в сером потрепанном плаще и маленького трех-четырёхгодовалого мальчика. По мере приближения он различил обрывки их разговора. Ребенок плакал. Крупные слезы катились по пухлым щекам, оставляя разводы:

- Папа, моя мамочка умрет? - жалобно спросил он отца, хотя судя по возрасту мужчины, которому было не менее пятидесяти пяти лет, он скорее годился мальчугану в дедушки.

- Самир, не плачь, она поправится, вот увидишь. Сейчас придет доктор и вылечит нашу маму.

Заметив врача, направляющегося в их сторону, мужчина поднялся навстречу. Он хотел было что-то сказать, но Ашрафли, даже не удостоив его взглядом, прошел в перевязочную, которая одновременно служила кабинетом для осмотра пациентов.

На кушетке лежала молодая женщина лет тридцати пяти. Она была в сознании, но очень бледная, даже желтушная, с заостренными чертами лица.

Доктор Мамедов измерял ей артериальное давление. Медсестра стояла в сторонке с потерянным выражением темных глаз, и казалось, что она не знает, куда деть свои, оказавшиеся вдруг без дела, руки.

Увидев Ашрафли, доктор Мамедов встал.

- Ильдрым муаллим, давление 100 на 90, лейкоцитов в крови - двадцать тысяч, рвет желчью, живот очень напряжен.

Хирург первым делом ощупал женщине живот. Осторожно надавливая пальцами в правой части брюшины, он вдруг резко убирал руку. Женщина вскрикивала от

боли.

Затем доктор осмотрел ее язык, приподняв веки, заглянул в глаза.

- Да, - подтвердил хирург, - воспалительный процесс, увы, перешел с отростка на брюшину - это уже перитонит.

- Ее надо срочно готовить к операции. Ильдрым муаллим, - обратился к нему доктор Мамедов, - сколько времени займет у вас подготовка?

- К сожалению, я вам ничем помочь не могу, коллега. Сегодня - не моя смена, мне давно следовало быть дома.

Мамедов непонимающе покосился на него. Понизив голос почти до шепота, так, чтобы его не могла слышать больная, он произнес:

- Как же так? Женщине немедленно нужна операция, иначе ей не выжить...

- Введите ей большую дозу антибиотика, поддержите сердце, подключите к капельнице. Больной сейчас нужно очень много жидкости - физраствора, глюкозы - и внутримышечно, и внутривенно. Готовьте ее к операции, тем временем подъедет дежурный врач...

Мамедов хотел было возразить, но поняв, что это бесполезно, молча, с ужасом смотрел, как надежда этой бедной женщины, которая, будучи в полубредовом состоянии, все время просила пить, невозмутимо выходит за дверь.

Шагнув в коридор, Ильдрым вновь лицом к лицу столкнулся с тем самым мужчиной. В этот раз, подойдя вплотную, тот спросил:

- Доктор, каково состояние моей жены, и что вы намерены предпринять?

- Ничем не могу вам помочь. Дело в том, что я не ее

врач.

- Послушайте. Доктор, я... - но доктор, увы, удалился, громыхая каблуками в пустом коридоре, и скрылся за дверью в ординаторскую.

Минут пятнадцать он спокойно работал, но после в дверь постучались, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошел доктор Мамедов.

- Ильдрым муаллим, мы сделали все, что возможно, но положение все серьезнее. Токсикоз развивается, большой трудно дышать, появился цианоз...

- Дорогой коллега, я уже сказал вам, что это не моя проблема. Это проблема Рамиза Салимова, пусть он ее и решает.

- Да что с тобой, Ильдрым? Человек погибает, чего ты добиваешься? Этот мужчина и его сын... Да, у них нет денег, но она - это все что у них есть. Я тебя не понимаю.

Ашрафли вышел из себя:

- А что тут понимать? Я не мать Тереза, все равно не могу помочь всем беднякам на свете. И с какой стати я должен выполнять чужую работу?

- Мы позвонили Рамизу, но он еще очень далеко, в поселке Раманы, пока он доедет, может быть поздно.

- Кямал муаллим, я должен срочно ехать домой. Сыну сегодня восемнадцать стукнуло, и меня ждут мои гости.

Мамедов словно подавился собственной слюной. Он не стал больше тратить слов, и, смерив Ильдрыма уничтожающим взглядом, вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Прошло минут двадцать, прежде чем Ашрафли, закончив свою работу, засобирался домой. Поднявшись, он подошел к шкафу, чтобы достать свой плащ, и лишь сейчас его слух уловил звуки суетливой возни в коридоре.

ре. Он услышал взволнованные голоса медсестры и санитарки, торопливые шаги, чьи-то приглушенные рыдания. Доктор понял, что больная, поступившая с перитонитом, скончалась. На миг в его сердце что-то екнуло. Какая-то неуютная мысль кольнула его, но он быстро отогнал ее и взял себя в руки.

Выйдя за дверь кабинета, он невозмутимо направился к выходу. Во дворе клиники Ильдрым снова увидел мужа скончавшейся пациентки и его сына. Мальчик, обхватив маленькими ручонками ногу отца и уткнувшись в нее лицом, упрашивал:

- Пожалуйста, папочка! Нам нельзя оставлять маму одну. Пойдем к ней, она увидит нас и встанет. А потом возьмет меня на руки и мы вместе уедем домой...

Мужчина стоял, окаменевший, не в силах ответить, успокоить ребенка. Смахнув тыльной стороной ладони непрошеную скупую мужскую слезу, он поднял сына на руки и молча стал раскачивать его то в одну, то в другую сторону, словно упрашивая поспать и не рвать на части его и без того израненное сердце.

Заметив хирурга, направляющегося по аллее к воротам клиники, он смерил его взглядом, полным ненависти и презрения, и почти прошептал:

- Будь ты проклят, подонок!

Доктор не слышал этих слов физически, но они пробили в его сознании, как набат. Ильдрым ощутил их всей своей кожей, всем своим расчетливым существом, которое почему-то сжалось и скукожилось сейчас подобно ежу, держащему оборону в минуту опасности.

Сделав вид, что ничего не заметил, Ашрафли торопливыми шагами покинул территорию клиники.

В этот вечер в маленьком домике на окраине города, в поселке, который и люди, и городские власти, не церемонясь особо, называли Нахалстроем, готовились к похоронам. Родственников ни у покойной, ни у ее мужа не было. Но соседи, сослуживцы и просто знакомые, объединенные общим горем, сновали как муравьи туда-сюда, сутились, помогали кто чем мог.

В это же время на другом конце города в большом особняке, в ярко освещенной гостиной Ильдрим в окружении родных и близких праздновал день рождения любимого чада. Именинник, весь сияющий, шутил, веселился, упивался успехом, чувствуя себя сегодня центром вселенной.

Приятная горячая волна накрывала Танрыма, когда он прокручивал в памяти события прошедшего дня.

Днем он успел опробовать свой долгожданный подарок. Его друзья, прокатившись с ветерком на новеньком авто, не скрывая своих восторгов, шумно обсуждали "крутые повороты", скорость разбега, лошадиные силы двигателя. Танрым удовлетворенно заулыбался, вспомнив восхищенно-завистливые взгляды однокашников - студентов первого курса юрфака Бакинского Государственного Университета, и застенчивый румянец на щеках Саиды, любимой девушки, когда он усадил ее на переднее сидение и мягко подкатил прямо к ее дому.

Ильдрим то и дело поглядывал на сына и радовался, как ребенок, видя, какое удовольствие доставил мальчику его подарок. События последних часов не были забыты, но он умел вовремя отгородиться от всего ненужного, поставить заслон между тем, что шептал ему назойли-

вый внутренний голос и тем, как, по его нерушимому мнению, он должен был поступить. Праздничным вечером Ашрафли не утомлял себя мыслями о неприятном эпизоде. Это было всего лишь происшествие на рабочем месте, которое там и осталось.

Доктор, конечно же, знал, что завтра его ожидает небольшая головомойка в кабинете заведующего отделением. Знал, что ему предстоит выслушать выговор профессора за несоблюдение морально - этических норм поведения, которые установлены неизвестно кем, за косвенное нарушение клятвы Гиппократата, но только косвенное. Потому что прямая ответственность за несвоевременное оказание хирургической помощи, как ни крути, лежала на другого врача - дежурного по смене. И неважно, что последний, в общем, и в целом был неповинен в преступной халатности - ведь сам профессор Эфендиев позволил ему отсутствовать в это время на посту, уверив, что сменит молодого коллегу до его появления.

Последнее звено трагической цепи - сам профессор, замыкал круг без вины виноватых. Он тоже покинул пост не по своей воле - его вызвало вышестоящее начальство. Шутка ли - сам министр! Следовательно, прямую ответственность за случившееся должен будет нести на своих невезучих плечах все тот же вечный "козел отпущения" - Рамиз Салимов. Ильдрым даже знал почти наверняка, что "Чаплина" уволят, а этот случай выставят на показ, как пример добросовестности высоких чинов доблестной национальной медицины.

Дело обретало бы совершенно иной расклад, если преступное промедление, повлекшее за собой смерть пациента, имело место, но все, кому положено, находились при этом на своих рабочих постах. Тогда чрезвы-

чайное происшествие зафиксировалось бы несколько иначе: "Пациент поступил в тяжелом состоянии, спасти его не удалось". Предпринималась ли собственно попытка спасти или нет - об этом история обычно, как говорится, умалчивает. Да и вопросов таких неэтичных никто и никому не задает - не принято. Пирог с очень уж сложной начинкой печет зачастую национальная медицина, а снаружи они выглядят свежими, мягкими, да с румяной хрустящей корочкой. Ашрафли был очень хорошо знаком с процессом, мало того, был, может быть, чуть ли не самым циничным винтиком данного механизма. Подчиняясь негласному правилу (не писаному и вслух не произносимому), при поступлении больного эскулапы, каким бы тяжело "несчастливым" не был случай, чаще всего и близко к нему не подходили, если рядом не оказывался кто-то из сопровождающих, который был готов вознаградить их тяжелый труд. Лишь предварительно договорившись обо всех тонких "деталях" хирургического вмешательства с родственниками пострадавшего, когда те появлялись в поле зрения, хирурги, собственно, и "вмешивались".

Однако, придерживаясь законов справедливости, надо отметить, что бывало немало исключений из этого жесткого, противоречащего всем канонам человечности, правилу. Взять хотя бы того же Салимого или Мамедова из терапевтического отделения. Такие с большим трудом уживались в общей среде негласно - рыночных медицинских отношений и, в конце концов, либо покидали среду, либо рано или поздно уподоблялись ей, становились ее частицей, растворялись в циничности, становясь такими же, как все окружение.

Итак, произошли два события - радостное и трагичес-

кое, - затронувшие узкий круг людей, с первого взгляда совершенно не связанных друг с другом, нарушившие привычный ритм жизни их участников в разных уголках большого города. Но уже через день привычный ритм был восстановлен, участники разошлись по своим углам и дни продолжались своим чередом.

ПРОШЛО ВОСЕМЬ ЛЕТ

Теплый апрельский день.

- Бабушка, бабушка, посмотри, какие крутые самолетики нам папа купил!

В кухню как метеоры, влетели два румяных карапуза. Старшему, Кянану, недавно стукнуло пять лет. Ему "посчастливилось" родиться на два года раньше брата - Кямрана. Это обстоятельство сильно расстраивало последнего и было постоянной причиной раздоров между ними. Кянан кичился тем, что он старший, а значит - самый главный, дразнил Кямрана. А Кямран, отстаивая свои права убедительным ревом, ревниво требовал признать первенство за своей персоной. Тем не менее, во всем подражая брату, все время был у старшего "на хвосте" и словно эхо повторял за ним все, что тот говорил кому-либо. Вот и сейчас он округлил глаза и повторил за Кямраном:

- Бабушка, посмотри, какие самолетики папа купил!

Сара ханум обернувшись, распростерла объятия и радостно приняла в них обеих малышек.

- Ну-ка, ну-ка.... Да, действительно крутые самолеты, как и сам папа, - шутливо сказала она.

Вслед за Кямраном и Кянаном, на кухне появился и ее сын.

- Здравствуй, мамочка. - Танрым поцеловал мать. - Как

твое самочувствие? Справляешься с этими шалопаями? Ну-ка, марш в детскую, разбойники.

- Эти шалопаи - самая большая радость в моей жизни - заметила Сара ханум, провожая взглядом малышей, убежавших в свою комнату.

- Ну, если так, мы с Саидой еще десяток их можем настрочить! - смеясь, пригрозил сын и тут же смутился собственной шутки.

- Ну-ну, дай то Аллах, чтобы вы оказались такими шустрými! - тоже не без смущения ответила женщина.

- А где отец, на работе?

- Да, у него сегодня ночное дежурство. После вчерашнего голова болела, да так что ему и идти не хотелось. Но все же пришлось. И Саида тоже на работе, - обещала сегодня придти пораньше, да почему-то задержалась.

Но в ту же минуту в дверях появилась сноха.

- Привет всем. Вы, кажется, говорили обо мне? - Невестка поцеловала сначала свекровь, затем подошла к мужу, - У нас сегодня было собрание педагогического состава. И у меня прекрасная новость. Директор пообещал со следующего учебного года прибавить мне рабочих часов! Буду, кроме истории, вести в старших классах обществоведение. Вы рады?

Мать и сын принялись поздравлять молодую женщину. Затем, Сара ханум, словно вспомнив что-то, повернулась к сыну:

- Танрым, а тебе понравился наш с отцом подарок? Вчера было слишком много народу, я спрашивать тебя об этом не стала.

- Да он уже успел оприходовать ваш подарок, и сегодня отправился на работу в новой модной куртке, - вмешалась невестка.

- Правда, мама, спасибо. Куртка просто классная. И

на работе все восторгались. Кстати, ее я одену сегодня еще на одно мероприятие.

- На какое? - одновременно спросили Сара ханум и Саида.

- Собираюсь сейчас поехать с друзьями в какой-нибудь загородный ресторан отмечать мой день рождения. Только мужская компания. Надеюсь, вы не возражаете?

Поговорив с матерью еще минут пять, Танрым позвал жену наверх, в их комнату, чтобы она помогла ему подобрать подходящую по случаю одежду.

Тем временем доктор Ашрафли, дежуря в клинике, коротал вечер за просмотром новостей по телевизору. Кроме того, перед ним лежала стопка его любимых газет, которые он полчаса назад прикупил в киоске у ворот клиники. Ильдрым медленно листал их, в перерывах между просмотром интересующих его сюжетов, и, смакуя, попивал чаек из "армуды".

В дверь постучалась и вошла дежурная медсестра Лейла:

- Ильдрым Назимович, родственники пациента Бабаева спрашивают, когда смогут увидеть его.

- Я ведь им объяснил уже, что операция прошла благополучно, в реанимации он пробудет до утра, а утром переведем его в обычную палату. Вот тогда они и могут его навестить. Почему они до сих пор не уехали? - не без раздражения спросил Ашрафли.

- Видимо, они вас не совсем поняли. Я объясню им еще раз.

Лейла ушла. Но вслед за ней в дверях появился анестезиолог Рафиг Баширов:

- Ильдрым, если что - я в первой палате. Хочу немно-

го прилечь и отдохнуть, хорошо?

- Ладно, Рафик, отдыхай. А я еще почитаю немного.

Как ни странно у самого Ашрафли не было желания ни полежать, ни поспать, хотя вчера день был довольно суетливым - именины сына, прием гостей и связанные с этим событием хлопоты. Да и утром, после выпитого накануне, как обычно в таких случаях, болела голова.

А сегодня вот вышел на дежурство весь разбитый, тяжелый на подъем, и, тем не менее, нормально прооперировал больного, поступившего с ножным ранением в брюшной полости. Парню повезло - никакие жизненно-важные органы задеты не были, операция длилась недолго и доктор уже получил от родственников пациента причитающуюся ему "благодарность".

Однако покой и не думал задерживаться возле подуставшего доктора. Часы в ординаторской мерно тикая, незаметно превращали теплый весенний вечер в прохладную ночь. Ашрафли уже перестал читать, и, откинувшись в кресле, устало массировал себе виски. Время клонилось к полуночи, когда дежурному хирургу сообщили о том, что поступил больной, пострадавший в автокатастрофе. По заключению врача приемного отделения, полученные травмы можно было отнести к травмам средней тяжести, однако пациент был без сознания от перенесенного болевого шока. В приемном отделении его уже подключили к капельнице и отправили на носилках в хирургию.

Ашрафли, следуя своим правилам, велел медсестре разузнать домашний или иной контакт, телефон пострадавшего и первым делом сообщить его родным. Естественно, прежде чем оперировать больного, он хотел переговорить с его близкими. Лейла выполнила поручение доктора, и следующие полчаса он ждал появления

"сопровождающих". Тем временем уже второй раз к Ашрафли прибежала медсестра, что бы упросить доктора побыстрее приступить к хирургическому вмешательству:

- Ильдрым Назимович, пациенту, кажется, плохо. Жалко его - совсем молоденький парень, ведь умрет...

- А ну цыц отсюда ворона! Ничего с ним не случится, скоро приступим. Иди, буди Рафика Алиевича, он в первой палате дрыхнет.

Минут через пять Ашрафли вышел в коридор и направился в сторону перевязочной, где его действий ждал пациент. Но из перевязочной, как ошпаренная, выскочила Лейла, и в ужасе прокричала:

- Доктор, он умер! Парень умер, он уже не дышит и весь синий! - и горько добавила, - теперь вам нужно только констатировать смерть.

Ашрафли прибавил шагу. Только этого ему не хватало. Летальный исход. ЧП в отделении, разбирательства, выговоры. Почему-то Ильдрому вспомнился тот давний случай, тоже со смертельным исходом, и надо же так совпасть - в день рождения его сына, а сегодня - получается на следующий день после праздничного ужина. С этими мыслями он вошел в перевязочную, уже морально готовый "констатировать смерть".

- Нет! Нет, о, не-е-ет! О, Аллах, этого не может быть. Что же я наделал. О, Танрым, нет! О, Всевышний, о, Всемогуший, это несправедливо.... О, Аллах...

Он хотел было произнести, - за что ты ниспослал мне такое наказание, но слова застряли у него в горле. Он знал, за что Господь обрушил на него свой праведный гнев уже на этом свете.

Вся оставшаяся жизнь теперь для Ильдрыма будет

настоящим кошмаром, каждую ее минуту, каждую секунду он проведет как в аду. Он познает ад, еще не попав туда. Каждое утро, когда, проснувшись, поймет, что все это - не снится ему изо дня в день, не ужас темной ночи, а явь.

Каждый раз, когда будет видеть слезы на глазах жены.

Каждый раз, встречаясь взглядом с невесткой Саидой.

Каждый раз, видя своих внуков, желая поиграть с ними, пообщаться, но осознавая, что не имеет права даже подходить к ним. Потому что это он, своими собственными руками, в самом буквальном, а не переносном смысле убил их отца и своего единственного сына.

После похорон прошел почти месяц. Ашрафли не появлялся на работе, не выходил к семье, не разговаривал, почти не ел и не спал. Он все время сидел в своем кабинете, в рабочем кресле, уставившись куда-то в пространство и ничего не замечая вокруг. Сара ханум, с лицом, вспухшим от слез, тем не менее, находила в себе силы как-то управлять домом, находить слова утешения для Саиды, хотя сама нуждалась в этих словах, наверное, больше всего. Лишь Ильдрыма, своего мужа, она никак не могла привести в чувство, оторвать от сна, вовлечь в разговор. Бедная женщина в полном отчаянии всего лишь носила ему еду, чай, и уносила обратно почти нетронутыми.

Ильдрым не сумел спасти их единственного сына, который слегка подвыпив с друзьями в свой день рождения, сел за руль. Мир рухнул для Сары ханум в одно мгновение. Теперь этот самый мир ей виделся лишь в

глазах малолетних внуков - они и станут для нее смыслом жизни, ее олицетворением.

Но что же Ильдрым?

Когда минуло сорок дней после похорон, он, молча, встал, собрался и уехал на работу. Внезапно постаревший, поседевший и сгорбившийся, - это был уже не тот уверенный в своих силах мужчина, опытный хирург, заботливый семьянин...

После долгих раздумий Ашрафли словно сделал для себя какой-то вывод, пришел к какому-то важному решению. Весь последующий месяц он почти не бывал ни на работе, ни дома, никто не знал, где он бывает, он по-прежнему не отвечал на вопросы и не вступал в разговоры с окружающими его людьми. Сара ханум не знала, что задумал Ильдрым, где-то пропадая целыми днями, а домой возвращаясь лишь для того, чтобы переночевать, а с утра вновь отправиться по своим таинственным маршрутам. В отчаянии, она всячески пыталась выяснить, что у него на уме, но все было тщетно. К невыносимым страданиям и тоске по сыну прибавились еще тревога и переживание за моральное состояние мужа.

А Ашрафли действительно сделал для себя вывод и пришел к решению. Да, когда-то, восемь лет назад, по его вине ребенок лишился матери. А теперь, именно в этот день Аллах отнял у него и у Сары, жены, единственного сына и отнял его, Ильдрыма руками. Все закономерно. Аллах выстроил настолько совершенную цепочку фактов, что даже самый черствый и конченный человек сумел бы увидеть связь своих действий с последующими событиями. Чего же ждет от него Господь? Конечно же, искупления. Он обязан хотя бы частично попытаться исправить свою ошибку. К внукам своим теперь он не имеет права даже подойти. Это

он решил для себя окончательно и бесповоротно. Да он им и не нужен. Его жена и сноха сумеют дать им хорошее воспитание, вырасти. Он оставит им все, что нажил, все свое состояние, дом, машину, а сам тихо уйдет из дому. Куда? Пока он и сам этого не знает. Он вспомнил, что недавно в Минздраве шел набор врачей, желающих отправиться на заработки в Саудовскую Аравию. Может быть, подастся туда. Но прежде, он должен разыскать того мужчину, которого восемь лет назад оставил без жены, и мальчика, которого оставил без матери. Он должен, во что бы то не стало, вымолить у них прощение. А потом он уедет в Аравийские пустыни и будет работать в клиниках для самых бедных, на благотворительных началах, зарабатывая лишь на пищу, чтобы не умереть с голоду.

Ильдрым поднял давнее дело из архива клиники и узнал адрес, по которому проживала та семья.

Но в Нахалстрое соседи сообщили ему, что муж той женщины не сумел пережить горя и через полгода скончался от инсульта. Ашрафли спросил, куда девался ребенок. Ему сказали, что его отдали в детский дом, поскольку ни у кого из покойных родителей не оказалось близких родственников. Они сообщили номер и адрес детского дома и сказали, что раньше часто навещали мальчика, а в последнее время - что-то все некогда...

Ильдрым отправился в детский дом и встретился с этим мальчуганом - Самиром. Когда ребенок спросил, кто он, Ильдрым, неожиданно для себя самого, сказал, что является очень дальним родственником матери и хочет его усыновить. Чересчур серьезный для десятилетнего мальчика, Самир наморщил лоб и задумался. Затем, через несколько минут, не задавая никаких лишних вопросов, сказал, что согласен стать ему приемным сыном.

У Ашрафли почему-то на глаза навернулись слезы, но он, ловко смахнув их, прижал к себе ребенка и сказал:

- Прости меня, сынок.

У какого из своих сыновей он просил прощения - у погибшего, или приемного? Ильдырым и сам не смог бы ответить на этот вопрос. А Самир, думая, что его новый папа просит прощения за то, что так поздно приехал за ним, снова промолчал.

С этого дня Ильдырым, написав заявление об уходе с работы и одновременно зарегистрировавшись в Минздраве, носился по всем инстанциям, судам и комитетам с вопросом об усыновлении. И, наконец, через три месяца вопрос был решен положительно.

Он уже купил билеты на самолет до Эмиратов, и оттуда с пересадкой они должны были лететь в Саудовскую Аравию, и предупредил об отъезде Самира. И только после всего этого решился на разговор с женой. Ильдырым откровенно рассказал ей все, начиная с события восьмигодичной давности и заканчивая вопросом об усыновлении и вылетом в другую страну, утаив лишь, - в какую именно. Сара ханум разрыдалась, долго сопротивлялась, говорила, что он совершает очередную ошибку, но муж ее был неумолим.

Утром рано, попрощавшись с женой и попросив ее все свои силы и любовь отдать внукам и вырастить их, он вышел из дома.

С тех пор никто из родных и близких никогда не видели доктора Ашрафли.

ЭПИЛОГ

Ранним сентябрьским утром по коридору хирургического отделения клиники скорой медицинской помощи уверенными шагами шел симпатичный молодой человек.

Был понедельник и медсестры, сгрудившиеся у рецеп-

турного стола в ожидании утренней "пятиминутки" дружно проводили парня заинтересованными взглядами. Парень же пройдя почти до конца коридора, остановился перед дверью с вывеской: "Заведующий хирургическим отделением. Салимов Р.А." . Постучавшись предварительно, парень вошел и сразу же с дверей, представился и изложил заведующему суть своего дела:

- Здравствуйте, Рамиз Акперович. Я - Ашрафли Самир, меня направили к вам работать в качестве хирурга.

- Ашрафли? - удивленно спросил Рамиз муаллим и задумался. Мне звонили из Министерства и сказали, что пришлют опытного специалиста.

- Я и есть тот самый "опытный специалист". Вы не волнуйтесь, я проучился в Мюнхенском медицинском университете и там же под руководством величайших светил медицины проработал три года. Вы не судите по мальчишеской внешности. На самом деле мне уже двадцать семь лет. Заведующий отделом заинтересованно разглядывал молодого коллегу:

- А у нас в отделении когда-то работал один Ашрафли Ильдрым, может вы - его родственник?

- Я - его сын.

- Сын? - удивился Рамиз муаллим. - насколько я знаю, у него был всего один сын, и он трагически погиб много лет назад

- Я его приемный сын.

- Значит, то, что я слышал - правда? Ильдрым.

Он не договорил. Парень, смело взглянув в глаза будущему начальству, прервал его речь:

- Да, это правда. Мой отец был очень хорошим человеком. В Аравии он всю свою жизнь посвятил лечению бедняков и нищих, а всю зарплату, которую ему выпла-

чивали, до последнего цента, вкладывал в меня. Когда я закончил с отличием колледж, он отправил меня учиться в Германию.

- И вы знаете всю его историю?

- Поначалу я ничего не знал. Но когда я учился в университете, отец тяжело заболел. У него была онкология - рак легкого, и он был уже обречен, потому что метастазы появились и на печени, и на почках. Я страшно переживал, хотел бросить учебу, чтобы остаться с ним. И тогда он мне рассказал всю историю от начала до конца. Папа просил у меня прощения, и когда я, весь залитый слезами обнял его, он озвучил свое последнее желание.

- Самир, сынок, прошу тебя, похорони меня здесь. Тот, другой Ильдырым давно умер и похоронен там, в Баку, я - тот Ильдырым, которым стал и которым знал меня ты, родился здесь, а значит место мое здесь. Это первое. Второе. Пообещай мне, что ты выучишься, станешь настоящим профессионалом, а потом вернешься на родину, устроишься на работу в ту самую клинику, на то самое отделение, и никогда не повторишь моих ошибок. Третье. Ты найдешь мою семью - отныне она и твоя тоже, и будешь жить с ними. И, наконец, четвертое. Я не сумел попросить прощения за свой страшный грех у твоих настоящих родителей. Отыщи кладбище, где покоится их прах, и сделай это за меня - умоляй их от моего имени простить меня и освободить мою душу от тяжкого бремени.

- Так значит, ты сейчас живешь в своей семье? Как поживает Сара ханум? - спросил Рамиз муаллим.

- Очень хорошо. Она вырастила внуков. Так что у меня два веселых племянника, оба они еще учатся. Старший, Кянан, пошел по стопам моего брата Танрыма -

поступил на юрфак. А Кямран в этом году был принят в Политех. Их мать Саида - вышла замуж. А я выполнил все пожелания отца.

Рамиз муаллим долго раздумывал о чем-то. Затем, словно пробудившись ото сна, медленно поднялся и, подойдя к Самиру, крепко обнял его.

- Добро пожаловать в коллектив, сынок!

СЛЕПОЙ

История эта произошла в одной из высокогорных деревушек на юге Дагестана в конце девятнадцатого или начале двадцатого столетия. Жил в этой деревушке хороший парень Магомед. Хорош он был всем: золотым характером и веселым нравом; статным телосложением и мужественным лицом; дружелюбием и трудолюбием. Нравилась парню дочь местного купца Зарина - первая красавица на селе. Многие ребята сохли по девушке, но ей, однако, тоже приглянулся Магомед, и ни для кого другого в ее сердечке, увы, уже места не было. По утрам Зарина, как и все девушки села, отправлялась с огромным кувшином, перекинутым через хрупкое плечо, на родник за водой. И каждое утро Магомед тоже шел к роднику, чтобы стоя поодаль, смотреть на нее, свою богиню.

Однажды днем, повстречав ее на безлюдной сельской дороге, он объяснился с ней, признался в своих чувствах. Заметив с ее стороны благосклонный взгляд и убедившись во взаимности его пылкой любви, он был воодушевлен и окрылен. С тех пор они несколько раз встречались тайком, подальше от любопытных глаз. Он брал ее руку в свою и не отпускал до самого конца встречи. Влюбленные подолгу о чем-то ворковали, и юноша не переставал удивляться остроумию, нежности и красоте Зарины. Девушка знала о том, что она невероятно хороша собой, но собственная красота для нее имела огромное значение лишь для того, чтобы нравиться любимому. Ей казалось, что без этой божественной красоты она не привлекла бы внимание Магомеда, хотя это было отнюдь не так. Маго-

мед изо дня в день пытался убедить ее, что он любил бы ее всякую, но она свято верила в обратное. Что поделаешь, девушек в таких вещах трудно переубедить - это заложено в их природе.

Вскоре о встречах влюбленных узнали родные. Отец Зарины Казбек был человеком состоятельным, а у Магомеда была лишь одна ценность - его пламенное и честное сердце. Но строгий родитель девушки не стал чинить никаких преград и сразу согласился на свадьбу.

Лезгины, к коим относились и наши герои, - вообще, народ, не придающий особого значения классовым различиям и не делающий культа из богатства или достатка. Конечно, из всех правил бывают редкие исключения, но Казбек, к счастью, не принадлежал к этим единичным случаям. Он, напротив, был одним из представителей многочисленной общей массы - ценил благородство, честность и трудолюбие, и ставил их превыше всякого иного богатства.

Вскоре молодые сыграли свадьбу. Многие парни завидовали счастью Магомеда, и многие девушки завидовали счастью Зарины. Но зависть та, в общем и целом, была светлой. Односельчане любовались самой видной своей парой и желали ей счастья и всяких других жизненных благ.

Семь лет прошли для молодоженов как один день. Их блаженство было по-прежнему безоблачно и не омрачалось ни ссорами, ни разностью характеров, ни бытовыми проблемами. Все неприятности и трудности они сносили на редкость легко, атакуя их "единым фронтом". За это время у них успели родиться трое детей - три мальчика: Амин - старший, Муслим и Ренат - близнецы.

Все бы хорошо, но в тот день, когда младшим детишкам исполнилось по три года, Зарина вдруг почувствовала себя нехорошо. У нее поднялась температура и мучи-

тельно разболелась голова. Через два-три дня на лице, на сгибах рук и ног появилась пятнистая сыпь. Кроме всего прочего, ей было трудно дышать, трудно глотать. Еда, которую ей еле удавалось протолкнуть в желудок, тут же возвращалась обратно.

Магомед, очень обеспокоенный, привел в дом известного знахаря и целителя. Тот снабдил больную некоторыми народными средствами, но предупредил, что они лишь поддержат ее силы на некоторое время. Женщину, добавил лекарь, срочно следует вести в Дербент, к русским докторам. Лишь там ей могут оказать квалифицированную помощь, потому что болезнь эта - оспа - очень коварна, а у русских врачей есть против нее вакцина. Знахарь велел главе семейства на следующий день зайти к нему домой и забрать пузырек с лекарством, которое он приготовит для остальных членов семейства во избежание их заражения и развития эпидемии.

Магомед, конечно же, не стал долго раздумывать и на следующее же утро собрался в дорогу, поручив родным присмотреть за домом и детьми. Отец Зарины поехал с ними и взял все немалые расходы за лечение на себя.

Когда кризис был далеко позади, а болезнь отступила окончательно и бесповоротно, как утверждали русские врачи, отец Зарины уговорил Магомеда поехать к детям, а сам остался с дочерью.

Вскоре женщину выписали из лазарета совершенно здоровую. Но она была обезображена. Огромные следы от оспин покрывали все ее, некогда обворожительное, личико. Вследствие этого душевному счастью и равновесию ее тоже грозила большая опасность. Зарина призналась отцу, что предпочтет скорее умереть, чем предстать страшной перед любимым мужем, так всю жизнь востор-

гавшимся ее неотразимой красотой. Она категорически отказывалась ехать домой. Никакие упования родителя и ссылки на то, что ее ждет семья и она очень нужна детям, не могли ее переубедить.

Казбека охватило отчаяние. Но в один из особо тяжелых для него дней во дворе дома, в котором они остановились, появился односельчанин. Он пришел с поручением от родных Магомеда и сообщил еще одну плохую весть. Магомед, как рассказал посыльный, несколько дней жаловался на острую боль в глазах, а вчера утром он внезапно ослеп. Все тот же лекарь, которого вызвали родные, прописали примочки из каких-то лекарственных трав, но они никак не действуют на зрение больного. Магомед, добавил односельчанин, не видит даже света, и лекарь, кажется, бессилен помочь в этом трудном деле.

Мир словно рушился для Зарины. Но она, уже позабыв о своем уродстве, в тот же день отправилась с отцом домой.

Магомед был неопишимо рад тому, что жена, выздоровевшая окончательно, наконец, вернулась. Но глаза его смотрели куда-то в пространство, не видя ни Зарины, ни родных и близких, собравшихся в доме, ни белого света.

К кому только не водили Магомеда, в какие только дали не пускались в поисках спасительного снадобья. Ничего не помогало вернуть зрение молодому мужчине. Казбек возил его и в Дербент, и даже в Баку, однако лучшие светила медицины того времени лишь неопределенно пожимали плечами.

Вернувшись из очередной поездки, Магомед собрал всех родных подле себя и попросил, чтобы они смирились с его слепотой. В конце концов, это горе, сказал он жене, но не беда. Своей судьбе надо быть благодарным за все. Он жив, а значит, все у них по-прежнему хорошо.

Поразмыслив над этими словами, Зарина согласилась с ними и успокоилась. Жизнь потекла своим чередом. Постепенно Магомед освоился с темнотой в очах и стал выполнять кое-какие работы в доме или во дворе. Вскоре он так свыкся с ней, что вновь взял на себя все трудные мужские заботы: вслепую косил сено, заготавливал дрова, работал в огороде. Лишь пасти скот он поручил уже подросшему старшему сыну.

Зарина была снова счастлива,- заботилась о муже и помогала ему во всем. Они, как и раньше, жили душа в душу, ни в чем не нуждались. Глава семьи не чувствовал никакой ущербности, а женщина и давным-давно и думать забыла о своем обезображенном оспой лице.

Так прошли еще семнадцать лет. Магомед пережил всех троих сыновей, обзавелся внуками. Амин, Муслим и Ренат уже не подпускали отца к тяжелой работе, взяв ее на себя. К дому они пристроили еще один и жили вместе большой дружной семьей. Однако никакое счастье не вечно. В один из зимних дней постаревшая уже Зарина простудилась и подхватила воспаление легких, - стал-жем, как называют его лезгины. Принятые меры оказались запоздалыми, и женщина в сильном жару умерла, так и не придя в сознание. Семья долго горевала. А Магомет взял все основные заботы о похоронах и поминках на себя. Отец Зарины, Казбек, сильно постаревший, но живой и шустрый, однажды с укором сказал зятю, что не следует отцу, имеющему трех "орлов", как называет старик своих внуков, а тем более слепому, самому выполнять все дела.

- Я не слеп, дядя Казбек, - был ответ мужчины. Тесть и все, кто присутствовал при этом разговоре, вопросительно посмотрели на него.

- Это правда, я не слеп, и никогда не был слепым.

- Что это значит? Как тебя понимать, Магомет? - Казбек недоуменно уставился на него.

-Я притворялся ради любимой. Зарина, в конце концов, смирилась с моей слепотой, но она никогда не смирилась бы с тем, что я увижу ее некрасивой. Ошеломленный Казбек крепко обнял зятя. Глаза его увлажнились. И он поблагодарил Аллаха за то, что его дочери встретился такой благородный мужчина и досталась такая большая любовь.

СЛУЧАЙ В ГОРАХ

Солнце садилось за горизонт. Предзакатные лучи красным отблеском озаряли все вокруг, и особенно с четырех сторон окружающие широкий луг величественные медные скалы. Прохладный ветерок предвещал скорое появление всепоглощающего молочно-белого тумана - довольно частого гостя этих мест.

Недалеко от землянки, возле загона для скота, выложенного из непокорного, неотесанного горного камня, играли двое детей. Худая, длинноногая девчушка - подросток лет тринадцати-четырнадцати выглядела чуть старше брата, такого же по комплекции, очень смуглого, почти выжженного на летнем солнце и обветренного горным воздухом мальчугана.

- Мухтар, ко мне! Бабахан, хватит дурака валять! - кричала девочка, пытаясь урезонить братца, катающегося по земле вместе с огромной кавказской овчаркой.

- Мухтар, принеси мне прут! - Приказывала Аиша время от времени, и грозное с виду животное послушно бежало туда, куда девочка закидывала деревянный колышек, и, схватив его острыми клыками, приносило хозяйке, весело виляя хвостом. Однако выполнив поручение, пес вновь спешил к мальчику, на ходу принимая его правила игры.

Так они играли, снова и снова переманивая лучшего друга и верного охранника огромной отары, волкодава Мухтара.

Два года назад его, еще слепого кутенка, принес в охалке их отец - пастух Сейфулла.

С тех самых пор дети и щенок были неразлучны. Летом, когда Сейфулла уходил вместе с отарой и стадом на высоко-

когорные летние пастбища, он брал с собой Мухтара. А дети всеми правдами и неправдами "выбивали" себе право не разлучаться с другом. Правда, в этом случае вместе с разрешением отправиться в совместный поход каждый из них получал еще и кучу обязанностей. Аиша, на правах хозяйки, выполняла всю женскую часть работы - следила за порядком в хижине, готовила нехитрые пастушьи блюда и училась у женщин искусству доить коров и превращать парное молоко в нежнейший домашний сыр.

Бабахан же помогал отцу пасти скот, стричь овец и заготавливать сено на зиму.

Сейфулла был счастлив. Он очень любил своих детей и гордился ими. Семейой он обзавелся поздно - лишь в тридцать восемь лет - не по какой-то особой причине, - просто так уж вышло. Однажды его отец вызвал сына на откровенный разговор и сказал, что сосватал для него Замину, скромную и робкую дочь соседа.

- Похоже, ты никогда не возьмешь инициативу в свои руки. До сих пор я не настаивал, но теперь, сынок, силы мои - уже не те. Да и мать твоя не справляется с хозяйством в одиночку. Прежде чем предстать перед Аллахом, мне хочется погулять на твоей свадьбе и хотя бы взглянуть в лицо своего внука.

Первой родилась Аиша, а через год - Бабахан. Старик словно в воду глядел. Спустя две недели после рождения внука, он умер от инсульта. Сейфулла назвал сына в честь отца. Мать же умерла совсем недавно, успев понынчить обоих внуков. Она отошла очень тихо. Вечером, закончив все свои дела, легла спать, а наутро просто не проснулась. Жене поначалу было очень трудно одной управляться со всем хозяйством, но к счастью, ей всегда приходила на помощь ее многочисленная родня. Да и де-

ти подросли, - из лишней проблемы превратились в лишние руки.

Сейфулла вышел из хижины. Дети все еще дурачились, играли в "перетягивание каната", в роли которого неизменно выступал Мухтар.

- Аиша, Бабахан, приглядите за овцами, я отлучусь ненадолго.

- Куда ты, отец? - спросил его сын, отряхивая одежду.

- Схожу к дяде Абдулле. У нас закончилась закваска для сыра. Вернусь через часик.

- Не волнуйся, папа. Мы присмотрим за отарой - с серьезным выражением лица пообещала девочка.

Пастух ушел, а Аиша, забрав из хижины свой альбом для рисования и настоящие масляные краски - подарок дяди из Баку и предмет ее гордости - уселась на выступе огромного камня. Девочка принялась рисовать мальчика с огромной собакой, бегущих наперегонки на фоне необъятного горного пейзажа.

Летний день неохотно отдавал бразды правления темному времени суток. Увлечись любимым занятием, Аиша и не заметила, как настали сумерки. Она оглянулась, чтобы посмотреть, куда запропастился брат, и увидела его, выходящим из хижины вместе с отцовским ружьем. Девочка встревожилась не на шутку.

- Бабахан, что ты задумал? Почему ты взял ружье?

- Я просто хочу немного подержать его в руках. Мухтар, куда ты пропал? Пойдем, прикончим парочку волков.

- Никаких волков здесь и в помине нет. Оставь ружье, отец запрещает нам трогать его.

- Ну, ты и зануда, сестричка. Что будет, если я немного пройду с ним.? Ты ведь не скажешь отцу? - спросил Бабахан и прицелился куда-то вдаль.

Девочка не успела ответить. Из-за камня выскочил Мухтар, и в ту же секунду раздался выстрел. Подстреленный пес отскочил на целых два метра и жалобно заскулил,

Аиша издала какой-то утробный вопль и подбежала к собаке.

- Мухтар, Мухтар, пожалуйста не умирай. Что ты наделал, Бабахан?

Огромная овчарка дергалась в предсмертных конвульсиях. Девочка плакала. А Бабахан, окаменевший, не в силах ни шевельнуться, ни что-либо произнести, так и стоял, держа на весу ружье, не выпуская его из рук, стоял и во все глаза смотрел на своего друга. Застывший, оцепеневший, он не мог собраться с мыслями, не отдавал себе отчета в своих действиях. Непроизвольно, по инерции, пальцы его вновь нажали на курок. Раздался второй выстрел и девочка, как подкошенная, замертво свалилась на собаку. Перед глазами у Бабахана все поплыло и он упал без сознания.

На выстрел сбежались соседи - пастухи, предположив, что к овцам забрались волки. Вскоре прибежал и Сейфулла. В ужасе он подбежал к сыну, но, узнав, что тот всего лишь потерял сознание, отдал его в руки соседей и подбежал к Аише. Мужчина встал на колени и долго тряс безжизненное тело девочки, словно пытался разбудить ее. Но, поняв, что она мертва, он поднял голову к небу и завыл, как раненное животное. Затем, крепко прижав к себе дочь, надолго застыл, и в таком положении пробыл не менее получаса. Никто не смел мешать его всепоглощающему горю, не смел оторвать его от тела ребенка. Однако вскоре он поднялся сам. Молча, приготовил телегу, молча, вынес из хижины два одеяла. Посте-

лив одно на телегу, он осторожно, словно теперь, наоборот, боялся ее разбудить, взял на руки дочь. Уложив ее на телегу и заботливо укрыв еще одним одеялом, он поцеловал ее в холодный лобик. Лишь проделав все это, он подошел к сыну, который тем временем очнулся и громко плакал, по-взрослому проклиная себя, свою жизнь и день, когда он родился на этот свет. Сейфулла присел подле него, обхватил руками его голову и еле слышно, одними только губами, прошептал:

- Что же ты наделал, сынок...

Аишу принесли в деревню и на следующий же день похоронили. Целую неделю село только и говорило, что об этом несчастье, и о том, что Замина после смерти дочери тронулась умом. По ночам ее несколько раз заставляли на кладбище. Она уже не плакала, лишь ложилась пластом на могилу дочери и тихонечко напевала колыбельные песни. С того самого дня она была не в состоянии видеть сына. Сталкиваясь с ним в доме, Замина становилась почти безумна, у нее начинался приступ буйного помешательства - она начинала истошно кричать, рыдать, рвать на себе волосы.

Сейфулла был в отчаянии. Эта беда подкосила его. Здоровый мужик, словно враз опустился, постарел. Он не знал о ком ему думать: о погибшей ли дочери, о сыне, который замкнулся в себе и с того самого вечера перестал говорить с кем бы то ни было; или о жене, которую горе довело до безумия. Но он знал одно - ему нельзя расслабляться. Он - глава семьи - в это трудное время должен позаботиться о своих близких, должен принять решение "в трезвом уме и твердой памяти".

Через месяц, видя что и жене, и сыну становится только хуже, он принял это решение.

В Баку жил его родной брат Эйнулла, и у него был сын примерно такого же возраста, что и Бабахан. Сейфулла договорился с братом и отправил сына в Баку до тех пор, пока жену его не излечит время. В глухих деревнях и знать не знают о том, что существуют такие врачи - целители душ, что людям, пережившим шок, требуется профессиональная психологическая помощь. В данном случае она требовалась и матери, потерявшей дочь и отвергающей сына; и сыну, а может быть и самому Сейфулле. Но темные деревенские жители в таких случаях лишь уповают на Аллаха и надеются на его Величество Время.

Возможно, они были правы. В конце концов, человек должен сам осознать свою потерю, дойти до всего, разобраться в себе и окружающем мире. А блага цивилизации не нужны тем, кто живет в такой местности, где у каждого камня своя история, каждое дерево хранит в себе дыхание веков, а мудрость народная живет не где-нибудь в книжках, а в самом народе, в воздухе, которым он дышит.

Итак, Бабахан приехал в Баку. Его поселили в одной комнате с двоюродным братом Васифом. Сейфулла поговорил с сыном с глазу на глаз, объяснил свой поступок и уверил его, что как только матери станет лучше, он поговорит с ней и заберет его обратно.

Два раза в год он приезжал в город навестить сына, рассказывал ему обо всех сельских новостях, но избегал разговоров о матери. Из этого повзрослевший Бабахан заключал, что ей так и не стало лучше. Он не спрашивал об этом отца - ведь все и так было ясно. Если бы душевная боль его матери отступила хотя бы настолько, чтоб она могла снова без страдания взглянуть в лицо сыну, отец и сам сказал бы ему об этом, и забрал бы его домой.

Прошло пять лет. Замина по-прежнему и слышать не хотела о Бабахане, будто он тоже погиб для нее тогда, в тот трагический вечер. Сейфулла уже не надеялся на то, что она когда-нибудь сможет простить и вновь принять сына. Он по-прежнему ездил в город два раза в год. Его брат, дядя Бабахана уже настаивал на том, чтобы мальчик остался у них и, окончив школу, продолжил учебу в институте. Сейфулла узнал, что его сын очень сдружился со своим двоюродным братом. Кроме него, пожалуй, у мальчика совсем не было друзей. Он узнал, что в школе учителя нахваливают его, радовался, когда слышал о его успехах, и огорчался, когда ему говорили, что в школе он слывет волком - одиночкой, ни с кем не общается, замкнут, неразговорчив, не участвует ни в каких коллективных мероприятиях.

Бабахану тоже нравилось у дяди. Он посвятил все свои силы, всю свою энергию на учебу, не думал ни о чем другом, кроме школы и знаний, которые она ему дает. Но об одном он не мог не думать - о том дне, когда по его вине погибла сестра, об Аише, которую он так любил, и которой так ему не хватало сейчас. Он не мог не думать о матери, что так и не простила его, и, вероятнее всего, никогда не простит. Да и не только мать не могла его простить. Он и сам себе вовек не простит мальчишескую глупость, безалаберность, из-за которой не стало самого близкого и родного ему человека.

Еще через два года Бабахан окончил школу и поступил вместе с Васифом на лечебно-профилактический факультет Медицинского университета. Двоюродные братья были неразлучны, и Эйнулла был этому безмерно рад. Его жена после первых родов больше не могла иметь детей. В лице Бабахана его сын получил не только

брата, которого у него не было, но и лучшего друга, товарища, а теперь и сокурсника. Они всегда были вместе, и потому Эйнулла и его жена Сария были уверены в том, что сын не попадет в плохую компанию, не подпадет под нежелательное влияние.

В тот год, когда они уже учились на третьем курсе, отец к Бабахану не приехал, - ни весной, ни затем, к осени. Однажды сырой октябрьской ночью дядя Эйнулла сказал ему, что отец немного приболел и они с тетей Сарией поедут в деревню, чтобы навестить его.

Они приехали лишь через неделю. Дядя очень сдержанно сообщил ему, что в деревне все спокойно, по-прежнему. Лишь Сейфулла болеет, - сильно простыл.

- Все наладится, не думай об этом. Для тебя сейчас самое важное это продолжить учебу, - заботливо добавил он, положив руку ему на плечо.

Когда отец не приехал и весной, в душу парня закралось подозрение и какое-то дурное предчувствие. Впервые в жизни он потребовал у дяди откровенно сказать ему, в чем тут дело. Тот, будучи застигнут врасплох, признался, что прошлой весной его брат перенес обширный инфаркт миокарда и долго болел. А осенью он умер после очередного сердечного приступа.

Полмира рухнуло для Бабахана в один миг. Отец был единственной нитью, связывавшей его с родными местами, с матерью, с родственниками. Теперь эта нить внезапно оборвалась. Он был лучом света в темном царстве его горя, и теперь этот лучик погас.

Долгое время парень не мог смириться с потерей, переживал, исхудал. Однако, следуя заботливым наставлениям и советам дяди, не забросил учебу, успешно сдал сессию, завершил третий курс. Но в один из летних дней

он поднялся рано утром и объявил, что отправляется в деревню.

- Я должен навестить родных и побывать на могиле отца.

Отговаривать его было бесполезно. Эйнулла настаивал, чтобы Бабахан взял с собой Васифа, но и от этого племянник категорически отказался.

- Не обижайся, дядя, но я должен ехать один. Я сам обязан разобраться, наконец, со старыми болячками и расставить точки над і.

И вот уже он едет в экспресс-автобусе "Баку - Гусар". В областном центре он пересел в другой автобус - ПАЗик, который рыча, громыхая и поднимая за собой столб пыли, мчит его по ухабистым горным дорогам в родное село. Живописные пейзажи за окнами сменяли друг друга, а сердце Бабахана щемило от воспоминаний. Любуясь красотами природы, он думал о том, что ждет его там, в родимой сторонке. Как его примет мать, и примет ли вообще? Что он скажет ей? Парень изо всех сил старался отогнать от себя тягостные мысли, от которых его мучили спазмы в желудке, и сводило живот.

Ехать оставалось каких-то полчаса. Уже виднелись покатые цветные крыши домов соседнего села, как вдруг ПАЗик намертво встал. Минут пятнадцать водитель копался во внутренностях машины, выложив на раскладном стульчике кучу всяких инструментов и указывая мальчишке, добровольно вызвавшемуся ему помочь, что подать и когда. Если бы не замусоленная одежда и негигиеничный вид, его можно было бы сравнить с хирургом, требующим у ассистента то скальпель, то зажим, то тампон. Безуспешно провозившись минут пятнадцать, и окончательно вымазавшись с головы до ног, шофер об-

ъявил, что машина дальше не поедет - придется народу добираться пешком. В общем-то, очень многие из жителей соседней, ближайшей деревни так и поступили в самом начале вынужденной остановки. Видимо, горький опыт научил их быстро принимать правильные решения. Остальные пассажиры нехотя покинули салон автобуса и тоже стали разбредаться каждый в свою сторону.

Пешком до села добираться нужно было час с лишним, как прикинул в уме Бабахан. Он был где-то даже рад этому непредвиденному обстоятельству, потому что все-таки подсознательно пытался оттянуть решающий момент. Он шел и радовался всему, что видел и слышал, всему, что хрустело у него под ногами. Он радовался родимой земле, усыпанной красно-желто-синими цветами, небу с затейливой формы облаками, бесконечным суровым вершинам и редкому сизому туману над ними, свежему горному ветерку.

Вообще, горы - это особый, удивительный мир, их не сравнить ни с какими другими чудесами природы. Кому хоть раз доведется побывать в горах, на жизнь уже смотрит другими глазами. Здесь начинаешь осознавать истинные ценности, те, которые превыше всего, порой превыше самой жизни. Не ищите смысла бытия, уютно расположившись на берегу моря. Здесь можно лишь расслабиться, отдохнуть и на время позабыть о бесконечных проблемах и заботах. Не пытайтесь в шуме городской суеты познать сущность человеческой природы, - вы лишь ввергнете себя в глубокое заблуждение. Не рассуждайте о глубине своих чувств лишь по тому, как бьется ваше сердце рядом с объектом ваших желаний. Так вы можете оценить лишь глубину измененной страсти. Вместо этого поднимитесь разочек на вершину горы, - на ту

вершину, на которую вам позволяют подняться ваши ноги, руки, легкие, сердце, в общем, ваше здоровье. Поднимитесь, и вы все поймете.

Бабахан с огромным удовольствием вдыхал ароматы бесчисленных цветочных ковров, срывал лекарственные растения - зверобой, душицу, чабрец, бессмертник,- мял их в руках и с наслаждением нюхал знакомые запахи детства.

Через час он вышел на луг - излюбленное место игр тогдашней детворы, откуда видна родная деревня. До нее теперь рукой подать - всего каких-нибудь двадцать минут, и он уже на месте. На лугу Бабахан решил передохнуть и в последний раз собраться с духом. Он лег на пеструю траву, раскинув в стороны руки и ноги. Глядя на пушистые белые облака, вспомнил любимое занятие младенчества - игру на ассоциации. Вот проплыло облачко, похожее на дракона. А вот кит - даже фонтанчик ясно проглядывается. Вон там пробегает зайчонок с длинными-предлинными ушами. А вот это облачко смахивает на бородатого Хоттабыча.

Парень расслабился и закрыл глаза. Но вдруг слух его уловил едва слышный жалобный плач - где-то совсем рядом.

Бабахан вскочил и вприпрыжку пошел на звук. Вскоре он обнаружил его источник. Маленькая девчушка лет семи-восьми сорвалась вниз с пологого склона и повисла на отвесной скале. Каким-то чудом лямки ее комбинезончика зацепились за вековые корни, торчащие из камня. Девочка не кричала, а только тихонько подвывала, видимо догадываясь, что громким плачем может усугубить свое и без того шаткое положение.

Парень, не раздумывая, устремился на помощь. Он попросил девочку не кричать и не делать резких движе-

ний, а сам тем временем очень осторожно, чтобы тоже не соскользнуть в пропасть, начал спускаться по склону. С трудом взобравшись на скалу, он подполз к девочке. Положение было почти безнадежным. Лежа пластом на животе, он изо всех сил тянулся к ребенку, но достать до нее никак не мог. Тогда Бабахан решился на отчаянный шаг. Он снял с себя кожаный ремень и соорудил огромную петлю. Намертво закрепив металлическую часть ремня в тех же жилистых крепких кореньях, сам он влез в петлю и тихонько спустился к девочке. Теперь он мог крепко держать ее, но как им выбраться наверх, он еще решить не успел. Старый пастух, пасший неподалеку овец, уже давно приметил их и во всю прыть мчался им на помощь.

Точно также, как и Бабахан, чабан, осторожно ступая по склону, добрался до скалы. Нужно было сначала вытянуть девочку. Что есть силы Бабахан приподнял ее и пастух, - о, чудо! - сумел схватить ее за руки и вытянуть. Пастух оставил ее позади себя на безопасном расстоянии и вновь повернулся к парню. В этот момент ремень, натянутый до отказа, предательски затрещал и пошел трещинами. Но Чабан не растерялся. Резким движением схватив парня за руки, огромным усилием воли вытянул и его. Теперь оставалось все также осторожно, передвигаясь боком, подняться по склону.

Внук пастуха, которого тот на всякий случай отправил в деревню за помощью, успел на бегу доложить всем, что девочку пытался спасти какой-то незнакомый горожанин. Жители села, услышавшие эту весть, мчались на место происшествия. Но впереди всех бежала мать девочки. Она неслась через поле, рыдая, и платок, скатившийся с ее головы на шею, смахивал на огромный черный

флаг. Тысяча мыслей мелькало в ее голове. Ее дочь, ее дитя... Что было бы, не окажись рядом этого парня? Женщина успела поклясться самой себе, что спасителя ее ребенка навеки назовет своим сыном...

Пастух напоил девочку холодной родниковой водой, умыл ей лицо и руки. Виновница переполоха уже успокоилась и пришла в себя. Тем временем мать, добежав до дочери, обняла ее, расцеловала, разрыдалась.

- Господи, благодарю тебя! Аиша, Аиша, доченька, как же ты меня напугала!

Но, немного успокоившись, она вспомнила о ее спасителе и поднялась, чтобы поблагодарить его.

Женщина посмотрела на Бабахана и чуть не потеряла сознание. Да и он, с того самого момента, как разглядел ее, смотрел на нее не отрываясь, во все глаза, и не верил сам себе. Перед ним стояла его мать. Они смотрели друг на друга, не в силах отвести взгляд, а девочка непонимающе хлопала ресницами.

- Мама, кто этот мальчик, который спас меня? Ты его знаешь?

Первым не выдержал Бабахан. Он встал перед матерью на колени и поцеловал ее ноги. Замина тоже, как подкошенная, упала на колени и обняла парня.

Так они сидели на коленях друг против друга, мать и сын, и беззвучные слезы потоком лились по их щекам.

СТРАШНАЯ ТАЙНА

- Пока, карапузик! - Диана чмокнула сынишку в нос и поднялась, чтобы попрощаться с мужем.

- До встречи, любимый. Будь осторожен, на улице гололедица. Не строй из себя Шумахера, ладно?

Проводив своих мужчин, один из которых по дороге на работу любезно вызвался подбросить другого до детского сада, она направилась в ванную комнату. Стираное белье терпеливо ждало дальнейших действий проворной хозяйки.

Диана вынесла тяжелый тазик на балкон. Зимнее утро сверкало свежестью и белизной. Легкий морозец слегка щекотал ноздри, холодный воздух проникал до самых дальних уголков легких.

Молодая женщина развесила белье и на миг задержалась, чтобы взглянуть на покрытые снегом крыши домов, детскую площадку, принаряженные деревья. Больше всех других времен года Диана любила зиму, ее безмятежность, холодную красоту, безукоризненную, кристальную чистоту. Вечерами, когда она выходила гулять с маленьким Руфатиком, все ее существо наполнялось тихой, непонятной радостью. Она ощущала себя частицей этого холодного, молчаливого мира, словно сливалась с ним в единое целое.

Она посмотрела вдаль, туда, где деревья образовали небольшой лесопарк вокруг замерзшего уже пруда. Диана и Рустам любили гулять иногда вокруг пруда, держа за руки маленького сына. Уголок этот был необычайно живописен. Весной и летом акации с двух сторон дорожки, усеянной гравием, создавали ощущение природной

арки. Ряды акаций сменялись кленами, а далее ансамбль замыкали стройные тополя, окружавшие пруд с изумрудной водой. Если сойти с тропинки и окунуться глубже в лесопарк, можно было набрести на старинное заброшенное двухэтажное здание. Вид у него был довольно пугающим. Оно стояло без окон, без дверей, являясь пристанищем птиц и летучих мышей. Но, тем не менее, под слоем грязи и мха угадывалась богатая изящная восточная архитектура. Перед домом красовались такие же заброшенные фонтан и несколько статуй. В лесопарке то тут, то там встречались небольшие холмики с разбросанными по ним полевыми цветочками всех цветов и оттенков. Они напоминали собранные заботливой рукой искусственные альпинарии, которые нынче, войдя в моду, прочно заняли свое место в любых частных садах, дворах и даже двориках.

Летом, когда все вокруг цвело, воздух насыщался пряными ароматами, пруд покрывался кувшинками, обрамленными водорослями, по деревьям шныряли вверх-вниз непоседливые белки, а птичье пение поддерживал звучный лягушачий хор. В особо жаркие дни здесь иногда появлялись любители поплавать и позагорать. Их боевой пыл не остужали даже многочисленные щиты, выставленные вокруг пруда: "Купаться категорически запрещается. Опасно для жизни!" Однако, все те, кто предпочитал здравому смыслу риск, считая его крайне благородным делом, очень скоро сами убеждались в абсолютной правоте предостережений. Вода в пруду была стоячая, обросшая местами водорослями, почва вокруг болотистая. Кроме всего прочего, пруд был очень глубокий, причем глубина начиналась прямо от самого берега,- отсутствовал постепенный, плавный переход мелкой

части в глубокую. Это обстоятельство ввергало в шок даже тех, кто умел прекрасно плавать. Озерцо напоминало огромный котлован, яму, заполненную водой. И даже в суровые зимы, когда лед, сковывавший поверхность водоема, был, казалось, достаточно крепок, знающие люди не решались подходить к самой кромке.

Пронзительный крик вдруг словно прорвал тишину. Женщина вздрогнула. Чуть поодаль устроившись на перилах балкона и нагло глядя на нее косыми, крутящимися глазами, одинокая ворона громко прокаркала три раза.

- Кыш, недобрая вестница! Тебе не под силу омрачить мое счастье! - тихо произнесла она, отгоняя птицу, и улыбнулась своей глупости. "Надо же, я все чаще говорю сама с собой, а теперь и с вороной затеяла диалог..."

Вернувшись на кухню, Диана решила побаловать себя чашечкой ароматного крепкого кофе с молоком. Она присела на краешек жесткого углового дивана и задумалась. Вспомнила недавний переезд на новую квартиру, приятные хлопоты, связанные с новосельем.

В тот день она, вся увешанная пакетами и тюками, тяжело поднималась по лестнице. На площадке третьего этажа, где располагалось их новое двухкомнатное гнездышко, она столкнулась лицом к лицу со старой женщиной.

- Ааа! Вы, кажется, моя новая соседка? - приветливо встретила ее незнакомка. - Зачем же хрупкой женщине таскать такую тяжелую ношу? - спросила она, забирая у нее на ходу несколько сумок.

- Фазиль! Кямал! - громко окликнула старушка своих внуков. - Бегите сюда, помогите добрым людям!

На пороге квартиры напротив тут же появились двое молодых людей, красивых, статных, с почти одинаковыми чертами лица. Немного отличались они разве что телосложением. Первому, Кямалу, - юноше с шуплыми девичьими плечами, можно было дать от силы лет шестнадцать. Другой, Фазиль, был крупнее и выглядел старше брата лет на пять.

Ребята дружно взялись за работу. Вместе с Рустамом они легко и быстро поднимали коробки и свертки на площадку, а Диане с участливой соседкой, лицо которой показалось ей очень знакомым, оставалось лишь втаскивать добро в квартиру и располагать в углу одной из комнат.

Первое ее впечатление о тете Фатиме, как представилась новая знакомая, как ни странно, было довольно неприятное. Женщина почувствовала себя крайне неудобно под пристальным, немигающим взглядом старушки, который словно проникал в самые сокровенные уголки ее души, бесцеремонно сдирая слой за слоем, и обнажая самую ее суть. И хотя эта душа никогда не знала черной зависти, не таила зла и не замышляла темных дел, женщине стало крайне неудобно, и она зябко повела плечами.

Позднее Диана не раз дивилась этому первому чувству и не раз уверялась в том, как оно было обманчиво. Теперь старушка казалась ей просто воплощением добродушия и заботы. Тем более выяснилось, что неспроста лицо ее показалось ей знакомым. Оказалось, тетя Фатима в молодости жила в одном дворе с ее родителями.

- Аллах, Аллах! Как тесен этот мир! Я помню твою маму - Салиму, дай Бог ей здоровья и долгих лет. Помню и отца твоего Аслана, и сестру твою старшую Эльзу, да упокоит Аллах ее душу. Надеюсь, отец и мать живы-здо-

ровы? А ты только-только пошла в школу, когда мы съехали с нашего старого двора и поселились в этом доме. Помнишь меня?

Конечно же, Диана помнила ее, помнила даже, как взрослые, почему-то недолюбливая, называли ее коротко и немного грубовато - Фаты. Диана в деталях помнила день отъезда соседей, как они, дети, пытались быть полезными и желая почувствовать свою важность, сновали туда-сюда с вещами, но в итоге только путались под ногами, раздражая и без того взвинченных дядек и теток.

А теперь вот и они с мужем поднатужились, собрали денег и купили, наконец, хоть и не без помощи родителей, эту квартиру.

Со дня новоселья прошло уже почти два месяца. Тетушка Фатима стала для Дианы чуть ли не ангелом-хранителем, наставницей, "компасом" во всех ее делах. Она просвещала неопытную подопечную, в каких магазинах продукты свежее и дешевле, в какой сад следует отдать ребенка, даже нашла знакомую нянечку, которой приказала не спускать глаз с "ее ненаглядного Руфатика". Она водила ее с собой на поминки и свадьбы, знакомила со всеми соседями, подолгу рассказывала о них всякие истории, любила посплетничать, посмаковать новости. А наивная ее подруга послушно внимала советам, не перечила, не перебивала и была, пожалуй, самой благодарной слушательницей на редкость словоохотливой "тетушки".

Диана допивала кофе, заодно обдумывая предстоящие дела. Надо бы сходить в магазин и закупить продуктов на неделю. Через три дня у Рустама день рождения, значит, надо постараться довязать к назначенному сроку по-

дарок благоверному - красивый, теплый шерстяной свитер. А еще она хотела сегодня заехать к родителям. В последнее время засела в душе какая-то тревога за них. Да и сны непонятные снятся.

Папа, сколько она помнит себя, всю жизнь был угрюмым, замкнутым, неразговорчивым, скупым на слова и на ласки. Но мама говорит, что он не всегда был таким, что он замкнулся в себе после смерти Эльзы. Сестре было двенадцать лет, когда ее сбил автомобиль. В родителях что-то сломалось тогда. Прошло много лет после этой трагедии, но они до сих пор почти не общаются между собой. Живут под одной крышей, но будто чужие друг другу люди. Диана не помнила, когда в последний раз в отчем доме смеялись, веселились, шутили или хотя бы просто рассказывали друг другу новости дня. Она, их единственный ребенок, после смерти сестры всегда чувствовала себя связующим звеном между двумя взрослыми людьми. Они говорили через нее, строили планы через нее, видели мир через нее, а может быть, даже жили и дышали только ею и только через нее. Однажды, будучи еще подростком, в школе она почувствовала себя как-то очень нехорошо - ее стошнило, какой-то ком в горле мешал ей дышать и сердечко сжималось в тревоге совсем не по-детски. Отпросившись с уроков, она отправилась домой. Дома в это время дня обычно никого не было, но у нее был ключ, и она решила просто отлежаться, пока ей не станет лучше. Однако отперев дверь, она поняла, что в квартире не одна. Из ванной комнаты раздавались глухие надрывные мужские рыдания. Это был отец. Диана вмиг покрылась гусиной кожей, - она впервые слышала, как плачет мужчина. От страха, мгновенно сковавшего ее маленькое сердечко, и предчувствия неми-

нуемой беды, она чуть не потеряла сознание, но какая-то неведомая сила буквально толкнула ее к ванной. Она с силой рванула дверь на себя и ...

Отец почему-то стоял на коленях, положив голову на неизвестно откуда появившийся здесь табурет и сжимая в руках моток шелковой веревки. Диана тогда поняла лишь то, что отцу очень плохо, что он плачет. Подумала, возможно, у него что-то болит, а может неприятности на работе. Девочка, молча, опустилась на колени и утонула в его объятиях, и папа, как ни странно, не стал ее прогонять. Вместо этого он крепко прижал ее к себе и громко выли еще, наверное, с полчаса. Потом дочь, молча, взяла его за руку, отвела в спальню, уложила в кровать и укрыла теплым одеялом. После, заварив крепкий чай с ароматными травами, как маленького, поила с руки.

В тот вечер мама, вернувшись с работы и выслушав рассказ дочери, заперлась в спальне с отцом. Родители долго, наверное, часа два, о чем-то говорили, то повышая голос, то вновь переходя почти на шепот.

Девочка сжалась в угол в своей комнате. К дверям спальни подошла лишь раз, когда мама повысила голос, и услышала фразу: "Да, мы не уберегли ее. Да, ты очень виноват, но ты должен искупить свою вину другим способом - ты должен вырастить Диану, дать ей все, чего лишилась она. Но то, что ты задумал совершить - это самое бессовестное бегство и пожизненное клеймо на мне и твоём ребенке, понимаешь ты это или нет? Возьми себя в руки, ты ведь мужчина, в конце концов!". В спальне раздался какой-то шорох, шаги, и Диана вновь сбежала в свою комнату и больше не выходила оттуда до конца вечера.

После этого случая отец стал еще более замкнутым. Но всякий раз, когда он смотрел на дочь, в его глазах

появлялся какой-то живой огонек, будто таял лед, годами сковывавший его суровую натуру. Однако теперь он целыми днями пропадал на работе, устроился еще и на вторую - ночным сторожем в частной фирме. Не сидел дома и в воскресные дни - подрабатывал электриком. Тут и там незнакомым людям то проводил электричество, то чинил проводку, то устанавливал люстры или выяснял причины короткого замыкания. Словно этот сухощавый мужчина внезапно обрел потерянный было смысл жизни, познал то, о чем раньше и не подозревал. Словно он все свои силы и энергию решил приложить к тому, чтобы заработать побольше. На себя он никогда ничего не тратил, все деньги, до последнего, молча, отдавая матери.

В девятнадцать лет Диана встретила Рустама, они приглянулись друг другу и вскоре обручились. В этот период жизни отец, как на крыльях, постоянно мчался куда-то, с кем-то о чем-то договаривался, а затем в двух словах говорил маме, куда нужно съездить и что купить. Два месяца он как одержимый носился по городу в поисках того или иного "дефицита", и в итоге приданое у Дианы было как у дочери падишаха. Ну, или на худой конец, его визиря. Полцарства, конечно, отец ей не предоставил, но всего остального у нее было вдосталь. Да и о свадьбе ее, сыгранной с королевским размахом, долго еще судачили завистливые сплетницы.

Когда Аслан впервые взял на руки новорожденного внука, Диана во второй раз в жизни увидела слезы на глазах отца. Мужчина нежно прижал к груди маленькое родное существо, долго разглядывал его, а затем бережно и все также, молча, передал его жене, а сам удалился в другую комнату.

Салима никогда не рассказывала дочери подробности страшной трагедии, которая случилась в их жизни, а Диана почему-то не смела спрашивать об этом, зная, какой это болезненный вопрос для обоих родителей. Но одна фраза, высказанная матерью в тот вечер, когда они с отцом закрылись в спальне, не давала ей покоя. "Да, мы не убергли ее. Да, ты виноват...". В чем виноват отец? Может быть, накануне он за что-то ругал или даже наказал старшую дочь? Ну и что? Не могла же Эльза из-за этого броситься под машину... Мама рассказывала, что она была разумна не по годам. Как взрослая, понимала все с полуслова, была покладиста, терпелива, скромна...

В дверь постучались, а следом раздались еще два коротких звонка. "Кто бы это мог быть в такую рань?" - подумала Диана и направилась в прихожую.

- Салам, азизим! Можно к тебе? Ты, кажется, не ждала гостей? - На пороге стояла ее неугомонная добрая соседка.

- Салам, тетушка Фатима, проходите и разувайтесь. Да ведь раннее утро, вот я и удивилась звонку. С добрыми ли вы вестями, тетя? Или что-то случилось нехорошее?

Старушка с нежностью взглянула на Диану.

- Да нет же, успокойся, доченька. Я к тебе всегда с добрыми вестями.

- Ну и хорошо. Пойдемте на кухню, я вас свежим чаем угощу.

Диана поставила чайник на плиту и засуетилась, доставая из полки разные сладости и накрывая стол к чаю.

- Ах, радость моя, мне бы и для Фазиля нашего найти такую же невестушку, как ты - добрую, приветливую, хозяйственную.

- Не торопитесь, тетушка. Всему свое время, будет и в вашем доме звучать зурна!

- Да услышит тебя Аллах. А зашла я вот почему. Сегодня четверг. Мы решили вечером устроить поминальный ужин - помолимся за всех наших усопших, да упокоятся их души в раю. Будут только самые близкие и родные. И тебя с Рустамом хотели бы видеть у себя.

- Конечно, мы придем. Да примет Аллах ваши молитвы.

- Спасибо, моя радость. А скажи, как у вас дела с твоим мужем? Я утром видела его с Руфатиком. Угрюмый он был какой-то, не поругались ли вы?

- Да нет, вам показалось. Нам не из-за чего ссориться. Рустам очень любит меня.

- Иншаллах, доченька, иншаллах. Мать у тебя такая красавица была в молодости, многие заглядывались на нее. И ты вся в нее. Но не дай Бог тебе повторить и судьбу несчастной женщины. Аслан, этот подлец, погубил ее, будь он трижды неладен!

- Почему вы так говорите о моем отце? - насторожилась Диана.

Болтливая соседка невозмутимо продолжала:

- А как еще говорить о человеке, который продал свою жену и убил дочь?

Диана потеряла дар речи. Минуту она ошалело смотрела на старушку во все глаза, недоумевая. Затем энергично помотала головой, пытаясь понять, не ослышалась ли она, и не снится ли ей это в кошмарном сне. Но затем женщина немалым усилием воли взяла себя в руки и заплетающимся языком выговорила:

- Что вы такое несете, тетя? В своем ли вы уме? Моя мама и сейчас живет с отцом, а сестра погибла в автокатастрофе.

- Все это так, дочка. Но, похоже, тебе, наивной дурочке, никто до сих пор не удосужился рассказать эту ужасную историю.

"Наивная дурочка" так и села на первый попавшийся ей табурет. Некоторое время она, с несвойственным ей чересчур серьезным выражением красивого лица молча, разглядывала черную точку на деревянном полу кухни. Затем, словно приняв какое-то решение, взглянула собеседнице прямо в глаза.

- Мне уже поперек горла все эти невысказанные слова и недоговоренные истории. Если вы, тетя Фатима, и есть тот человек, который должен раскрыть мне глаза, рассказав всю правду о моей загадочной семейке, так тому и быть. Пройдемте в комнату, там нам будет удобнее, и вы мне расскажете все, что знаете. Согласны?

- Конечно, дочка. Мне кажется, ты должна все это знать, хотя рассказать об этом тебе давным-давно должна была твоя мать,- заискивающе, в какой-то степени даже оправдываясь за свою чрезмерную болтливость, молвила соседка.

Они прошли в комнату. Тетя Фатима устроилась на маленьком диванчике, а Диана села на стул напротив той, которая должна была "раскрыть ей глаза".

Умудренная жизненным опытом соседка с какой-то непонятной суетливой радостью приступила к рассказу.

- Начну, пожалуй, с того, что твой отец не всегда был таким тихоней и умницей, каким прикидывается сейчас.

В молодости Аслан любил буйствовать, подвыпив. У него была страсть к азартным играм, а позднее он пристрастился к анаше, да так, что когда у него возникала потребность в "дозе", здоровый и сильный мужчина становился неуправляем и в то же время готов был стать в эти моменты вечным рабом того, кто мог обеспечить его этой "дозой".

Диана застыла с каменным выражением лица, не зная, как ей следует реагировать на подобное многообещающее начало. Собеседница, почуяв, что ее рассказу грозит обрыв, торопливо вставила:

- Диана, радость моя, я знаю, как тяжело тебе слышать это. Но ты сама велела мне рассказать все, что я знаю. Просто выслушай меня до конца, а потом можешь задавать вопросы или убедиться в достоверности моих слов, расспросив своих родителей.

Молодая женщина, молча, кивнула.

- Так вот. Во дворе у нас в то время жила, по меньшей мере, странная семейка ярых, можно сказать воинственных шиитов родом из Ирана. Вернее, воинственным был лишь глава семьи - Осман,- красивый богатый молодой мужчина, к тому же непревзойденный сластолюб по части женщин. Дома у него были две жены - Зохра и Рахима, которые всегда ходили в чадре и не смели высунуть наружу даже носы. Держал Осман их в большой строгости, часто поколачивал. Женщины не имели права не то чтобы слово поперек сказать мужу, но даже просто взглянуть ему в лицо. В семье была куча детей, из коих мальчики, по-моему, трое или четверо, может быть, часто выходили во двор поиграть с детьми. А две девочки, также как их несчастные матери, были заживо схоронены в доме.

Осман сорил деньгами налево и направо. Никто не знал, кем он работает и работает ли он вообще, как и то, откуда у него столько богатства. Поговаривали, будто он связан с мафией, торгующей наркотиками и оружием. И управы на него никакой не существовало - вся милиция была у него на подкормке. Сам начальник милиции нашего района почтительно называл его "Осман муаллим". Этот подлец и пристрастил Аслана к злу, погубившему всю его семью. Несколько раз мафиози дал ему затянуться анашой, а потом, когда "рыбка попалась на крючок", время от времени подбрасывал ему какой-то нюхательный порошок. Дошло до того, что твой отец бросил работу, не видел ни семьи, ни дома, из которого он крал все, что имело хоть какую-то ценность, чтобы обменять на белый порошок.

Соседи видели, до чего довел человека Осман, много раз пытались помочь ему, водили в какую-то лечебницу или диспансер, но все было впустую. Мафиози был всегда под рукой и готов "помочь".

Почему Осман выбрал своей жертвой именно Аслана? Это тоже не было тайной ни для кого. Ему давно приглянулась твоя мать - высокая белокожая брюнетка с глазами, как у лани. Когда она шла по улице, Осман буквально пожирал ее глазами. Мужчины говорили, что однажды он "сдаст" Аслана своим дружкам в милиции за "хранение и употребление наркотиков" и потом уже вплотную займется его женой. В периоды "просветления" Аслана соседи пытались довести до его ума это, но достучаться до него было невозможно. Он был уже болен, невменяем, а Османа называл не иначе как своим "лучшим другом", которого кучка "завистников" пытается очернить в его глазах.

Однако, мафиози, видимо, вскоре отказался от своего прежнего плана, потому что не посмел бы пойти в открытую против всего двора. Слишком много было свидетелей того, кто на самом деле являлся поставщиком наркотиков. Но он придумал другой вариант, намного более коварный и не имеющий аналогов по подлости.

Дней десять Осман держал больного человека на "голодном пайке", не давая даже затычки с анашой. Доведенный до крайней степени безумия, несчастный был согласен на любую сделку с этим дьяволом во плоти. И Осман "пошел на уступку" - предложил сыграть с ним в карты. Ставки шокировали всех. С его стороны это была, естественно, порция порошка, а у Аслана подонок потребовал отдать ему его жену на одну ночь.

Диана закрыла лицо руками.

- Нет, о Боже, нет! Отец... Как он мог...

- Твой отец согласился не сразу. Даже он своими воспаленными затекшими мозгами понимал, что ставить такое условие уму непостижимо. На миг глаза его как будто прояснились, и он сказал:

- Осман, лучшие друзья так не поступают. Для любого мужчины, даже такого опустившегося, как я, ставить на кон мать его детей - позор на всю оставшуюся жизнь.

Мафиози, нагло глядя прямо ему в глаза с нескрываемым презрением, возразил:

- Но ведь ты непревзойденный картежник, Аслан, разве нет? Ты ведь уверен, что выиграешь, и потому, ничего не теряя, честно заработаешь свой героин.

Мужчины, все, кто находился там, встали один за другим и окружили Османа. Мой покойный муж, Аяз киши, да простит Аллах все его прегрешения, был среди них и все слышал. Самый старший, Али киши, грозно посмот-

рев снизу вверх на иранца, твердо сказал:

- Не позволим на наших глазах совершиться беспутству и облить грязью честную женщину! Таким выродкам, как ты, - не место среди нас. И твоя продажная шайка шелудивых псов в погонах - нам не указ. Всех нас не перебьете, слышишь, ты?

Осман с усмешкой отступил:

- Подумаешь! Если мои слова режут ваш нежный слух, советую вам, Али киши, закрыть уши. Я предложил честную сделку, и вы все встречаете в честную сделку, понятно? Емуд она нужнее, эта игра, чем мне. Нет, так нет!

Али киши с такой же усмешкой и ненавистью ответил:

- Когда Аллах раздавал людям честность и порядочность, ты, видно, отлучился по своим грязным делам, ублюдок!

- Слушай, ты! Говори, да не заговаривайся,- только и молвил Осман, повернулся на сто восемьдесят градусов и ушел.

Али киши подошел к Аслану, опустившемуся от бессилия на лавку, и взял его за шиворот:

- А ты, гнида, пойдй посмотри на себя в зеркало. Когда-то ведь был человеком, и в кого он тебя превратил? У тебя дети, о них хоть подумай!

Аслан закрыл лицо руками и зарыдал. Все тело его тряслось, как в лихорадке, мышцы скручивало в судорогах, он не мог владеть собой.

- Черт побери, мне нужен этот проклятый порошок. Я больше не могу, мне нужен порошок!

- Аслан, вставай, мы отвеем тебя к врачу, и он что-нибудь придумает. Мужчина не должен быть рабом своего безволия. Мы все тебе поможем.

Но тот вдруг неожиданно сжал кулаки, стукнул ими

что есть сил по столу, за которым обычно мужчины играли по вечерам в домино, и зарычал как дикий зверь:

- К черту вашу помощь! К черту вашего врача и вас всех в придачу! Мне нужен порошок, и помочь мне может только он! - С этими словами он выбежал из двора в арку, в ту сторону, куда ушел мафиози.

Мужчины не расходились. Они знали, что в тот день может понадобиться их поддержка. Не знали, кому и в какой форме, но расходиться не стали, а остались сидеть за своим столом.

Аслан тем временем догнал "лучшего друга":

- Осман, подожди, я согласен на все, но дай мне порошок, заклинаю тебя!

- У нас с тобой, свинья, был уговор. Порошок я тебе дам только после того, как ты сыграешь со мной.

- Я согласен, будь ты проклят, я согласен. Давай быстрее играть.

- И не вздумай, потом препираться. Уговор дороже твоей никчемной головы, ты и пикнуть не успеешь, как потеряешь ее! А в случае проигрыша сам возьмешь свою сучку за руку и притащишь ко мне домой, понял?

Они сыграли, и Аслан, естественно, в таком состоянии с треском проиграл. Он упал на колени, зарылся лицом в землю и выл, как раненная собака.

- Дай мне порошок, дьявольское отродье!

Осман подошел к нему. Крепко схватив его за волосы, он заставил его посмотреть на себя:

- Хорошо, свинья, я снова сжалюсь над тобой. Смотри, какой я добрый! Ты получишь свою порцию яда, но только когда приведешь ко мне жену. Я буду ждать дома с порошком. - С этими словами он пнул Аслана ногой и пошел к дому. На ходу мафиози окликнул своего отп-

рыска Озала, который крутился неподалеку, подслушивая "взрослый разговор".

Демонстративно пройдя мимо мужского сообщества с гордо поднятой головой, хозяин положения направился в свой подъезд. Следом за Османом во двор вбежал Аслан и тоже скрылся в своем подъезде. Сын иранца побежал туда, где резвились, радуясь весне, дети. В это время ни о чем не подозревавшая Эльза весело болтала с подружками в беседке посреди двора. Ты тогда была с матерью в доме.

Озал, стоя в сторонке, глядел на девочку и хихикал. Эльза, заметив его, улыбнулась:

- Чего зубы скалишь, обезьяна? Или может кто-то тут цирк тебе показывает?

Мальчик развеселился еще больше:

- Да, скоро будет веселенькое представление. Твоя мать на одну ночь станет шлюхой моего отца!

Эльза, почернев, изменилась в лице.

- Ты что себе позволяешь, сукин сын? Прежде чем говорить о моей матери, вымой рот с мылом! - Она поднялась, чтобы хорошенько надрать наглецу уши, но тот, отбежав подальше, прокричал:

- Скоро сама увидишь. Твой отец проиграл ее в карты моему отцу!

Девочка так и остолбенела. Она стояла, как каменная, не в силах сделать ни единого шага. Подружки подбежав, стали утешать ее, уговаривали не обращать внимания на слова полоумного ребенка. Но Эльза уже ничего не слышала.

Драма разворачивалась на глазах у всего двора.

Аслан вбежал в квартиру и схватил жену за руку.

- Салима, ты должна пойти со мной.

- Постой, Аслан, что с тобой? Куда я должна пойти?

Тот сорвался на крик:

- Говорю тебе, ты должна пойти со мной! Не спрашивай ни о чем, иди со мной.

Салима почувала неладное и решила не перечить мужу. На ходу оставив младшую дочь у соседки по этажу, она спустилась на улицу вместе с мужем. Аслан так и не отпустил ее руку, словно боялся, что она может убежать, а он - лишиться своего порошка. Женщина послушно волочилась следом, гадая, что бы такое могло случиться, и что Аслан хочет ей показать. В мыслях она уже забеспокоилась о старшей дочери. "Может, она упала и что-то сломала себе или ушиблась?" - думала она. А Аслан почему-то тащил ее в другой подъезд.

Завидев их, мужчины, как один, поднялись и направились в их сторону. Но они не успели даже подойти к супругам. Раскрасневшаяся, пылающая как факел, к ним подбежала Эльза, и тоже схватила мать за руку.

- Куда ты идешь, мама? - громко, не владея собой, спросила девочка.

Салима обрадовалась, увидев ее:

- Вот ты где, доченька. Послушай, я оставила Диану у тети Эльмиры, иди к ней. Папа хочет показать мне что-то важное.

Эльза вспыхнула пуще прежнего.

- Папа хочет продать тебя на одну ночь Осману!

Салима ударила дочь по лицу:

- Что ты такое болтаешь, Эльза? Ты что, заболела?

Но девочка словно не слышала ее.

- Отец, ведь ты продал маму, это правда? Отвечай!

Салима ошалело глядела то на мужа, то на дочь, и не могла понять ничего. А Аслан, словно только очнувшись от тяжелого сновидения, схватился за голову.

- О, Аллах! О, мой Аллах, что со мной?

Эльза зарыдала и бросилась бежать со двора, на ходу выкрикивая проклятия:

- Ты не отец мне! Ты мне больше не отец, будь ты проклят!

И Аслан, и Салима одновременно бросились за ней. Мужчина словно вмиг протрезвел, освободился от угара, окутывавшего его голову:

- Эльза, подожди! Доченька, прости меня, Эльза!

Когда родители вышли из арки, ведущей на улицу, Эльза была уже мертва. Сразу за аркой начиналась проезжая часть дороги. Девочка со слезами, застилавшими ей глаза, бежала и не видела ничего вокруг. И водитель летящего навстречу автомобиля не успел притормозить.

Все, как в страшном фильме, произошло в считанные секунды. Асфальт, весь в крови, тело твоей сестры, словно вывернутое наизнанку, и мозги, которые пришлось отдирать ножом...

- Хватит! Хватит, тетя Фаты, хватит! - Диана рыдала, закрыв лицо руками. - Знаете что, тетушка? Вы злая! Я поняла это с первого взгляда, но не поверила себе. Вам доставляет удовольствие рассказывать все это, ведь так?

- заливаясь слезами, порывисто прошептала она.

- Диана, ведь ты сама просила рассказать тебе об этом, - пряча хитрый взгляд, скромно молвила соседка.

- И что же потом сделал папа? Наверное, все-таки продал маму и получил свой героин? - с нечеловеческой болью в голосе выкрикнула женщина.

Старуха опустила голову и спокойно ответила:

- Нет. Он убежал. Нашел на ходу откуда-то топор и устремился на квартиру к Осману. Ему не стали открывать дверь, но он разнес ее в щепки. Осман вышел навстречу, держа в руке пистолет. Но Аслан в ярости топором успел снести ему кисть, в которой было оружие. Мафиози, дико крича, упал на пол. Женщины в доме стали громко причитать.

Аслан уже занес топор над головой своего мучителя, но тут в дверях одной из комнат заметил девочку. Она была примерно того же возраста, что и его погибшая дочь. Девочка печально смотрела на Аслана, и тот в бессилии выронил топор и облокотился к шкафу за спиной. Потом, вспомнив об Эльзе, в исступлении бился лбом об стену, пока не расшибся в кровь. Минут через пять он затих и, взглянув еще раз на ту девочку, опустил окровавленную голову и ушел восвояси.

Трагедия словно разом выкурила из него все пагубные страсти, но вместе с ними он лишился и интереса к жизни.

- Почему мама не ушла от него? - почти шепотом спросила Диана.

- Потому что, дочка, была еще ты. Потому что, возможно, она все еще любила его, несмотря ни на что. А еще, может потому, что почти сразу, буквально через неделю, Аслана хватил удар, в результате - паралич ног. И

твоя мать, хоть и не общалась с ним больше, но и не бросила. Ухаживала долго и выходила. Он встал на ноги в тот день, когда тебе исполнилось пять лет. Разве ты не интересовалась, почему он хромает на одну ногу?

- А куда же делся этот подонок Осман? Я не помню, чтоб он жил в нашем дворе.

- Он переехал с семьей куда-то в Турцию. Говорили, будто там его накрыли с поличным, когда он получал свой смертоносный товар. Подонок получил пожизненный срок.

Диана думала, обхватив голову руками. Потом резко встала, вышла в прихожую и надела пальто.

- Дочка, куда ты?

- Мне надо подышать свежим воздухом. Здесь стало слишком тесно и жарко.

- Подожди, я пойду с тобой.

- Нет! - резко произнесла хозяйка, и повторила уже потише: - Мне надо побыть одной, подышать свежим воздухом и обдумать все это.

Доброжелательная соседка ушла к себе, а Диана, хлопнув дверь, вышла на улицу. Целый час она бесцельно бродила по лесопарку, не зная, что же теперь ей делать с этой долгожданной, желанной правдой, жестокой, как сама жизнь. В голове не было никаких мыслей, она просто тупо силилась переварить свалившуюся на нее тонну информации. Безуспешно пытаюсь собрать в кучу беспорядочные рассуждения, женщина подошла к берегу пруда. Лед накрепко сковал всю его поверхность, но кое-где еще виднелись темные окошечки - проплешины, гово-

рившие о том, что мороз не успел здесь поработать в полную мощь. Она смотрела на зыбкую ледяную гладь пруда и внезапно ее осенило: "А ведь вот он, выход - прямо передо мной. Ноги сами привели меня к нему. Эльзе хорошо,- она даже подумать о смерти не успела. Теперь она там, на небе, и земные проблемы ее совсем не волнуют".

Диана шагнула на лед. Он слегка заскрипел, но не треснул под ее ногами. Она делала шаг за шагом, удаляясь все дальше от берега. Вдруг она остановилась. Как молния, мелькнула в голове мысль о Рустаме, о Руфатике, который ждет в саду свою мамочку. "Боже мой, что я делаю? Лишаю собственного ребенка счастливого детства из-за истории, которая осталась в далеком прошлом? В чем провинился Рустам, который так любит ее и сына? Почему он должен расплачиваться по счетам за чьи-то ошибки? Да и мама с отцом... После всего, что им довелось пережить, мой поступок окончательно добьет их. Нет уж. Пусть прошлое останется там, где ему и положено оставаться - в прошлом. А я пойду домой, приготовлю вкусный ужин и буду ждать моих мужчин. А потом мы все вместе съездим навестить родителей. И я ничего не скажу отцу - сделаю вид, что ничего и не знаю. Он сполна расплатился за все свои грехи...

Диана повернулась и пошла обратно. Она успела сделать три шага, когда лед под ее тяжестью предательски треснул. В ужасе, она на мгновение остановилась, и решила бегом проскочить на берег. Но почти у самой кромки лед раскололся, и женщина в тот же миг очутилась в обжигающе-холодной черной воде. Напрасно она пыталась ухватиться за льдинки,- они выскользывали из рук, как живые. Напрасно пыталась звать на помощь,-

лишь глотала очередную порцию студеной воды. Всего полминуты продержалась Диана, отчаянно барахтаясь в морозном омуте. Затем ее сердце словно сжали в тисках, - она потеряла сознание и пошла ко дну. Через полчаса утопленница всплыла на поверхность. А вечером родственники и соседи обнаружили ее тело, вросшее в лед и слившееся с ним в единое целое.

Из "уютного двухкомнатного гнездышка" Дианы раздавались громкие вопли и причитания. Это женщины оплакивали ее безвременную кончину.

Этажом ниже в подъезде три пожилые женщины о чем-то тихо перешептывались. Тетушка Фатима, ближайшая соседка покойной, увлеченно рассказывала знакомым какую-то невероятную историю.

А во дворе толпились несколько десятков мужчин. Время от времени по призыву муллы они поднимали руки и читали заупокойные молитвы. Чуть в сторонке Рустам с налитыми кровью глазами смотрел вокруг, пытаясь разгадать страшную тайну этой брэнной жизни и крепко-крепко прижимая к груди маленького, еще ничего не понимающего сына.

На высокой ветке заснеженного тополя сидела одинокая ворона. Она посмотрела сверху вниз косыми, крутящимися глазами и громко. прокаркала три раза...

УДИВИТЕЛЬНЫЙ СОН

Солнечный свет пробивался сквозь полуприкрытые створки жалюзи. В больничной палате было светло и уютно.

На кровати лежал человек, подключенный к аппарату искусственной вентиляции легких. Самостоятельно дышать у него пока не получалось, но врачи упорно давали хорошие прогнозы, утверждая, что кризис позади и пациент будет жить.

Пациент же ни о чем таком не подозревал. Аппарат мерно издавал звуки, имитирующие вдох и выдох, а пациент мирно спал, и видел удивительный сон.

Приподнявшись на больничной койке, больной каким-то странным образом воспарил над нею. Некоторое время он разглядывал свое тело, все еще лежащее на кровати и дышащее в трубку. Затем какой-то необъяснимый порыв заставил его выйти в окно и ринуться в небо. Кто-то или что-то вели его за собой, указывая путь, по которому он должен следовать. Человек не мог объяснить этого, но ему нравилось подчиняться воле неведомой силы, нравилось, прорезая облака, лететь к солнцу. Ему нравилось ощущение внутреннего блаженства и покоя, владевшее всем его существом. Нравилось то, что он не боялся упасть и разбиться или быть опаленными солнечными лучами. Он просто, без всяких мыслей о чем бы то не было или о ком бы то не было, оставленными им на земле, летел, следуя четким указаниям невидимого проводника.

Больной не ориентировался ни во времени, ни в пространстве. Он не мог бы сказать, сколько времени продол-

жался его полет, и какое расстояние он преодолел. Он знал одно - это занятие ему не надоедает. Вскоре он прибыл к месту назначения. Оно напоминало верхнюю часть минарета, плавно повисшего в облаках. Под высоким круглым куполом располагались два арочных проема. Внутренний голос велел ему направиться к ближайшему проему. "Приземлившись" внутри купола он понял, что попал в некое подобие распределительного пункта, своеобразный небесный вокзал, где кто-то решит за него, куда ему следует направляться далее.

Внутри минарета он огляделся и заметил интересную странность. За той аркой, в которую "влетел" человек, было одно сплошное синее небо. Пушистые облака сновали по небу туда-сюда с невероятно быстрой скоростью, принимая время от времени причудливые формы. За другой аркой, противоположной, преобладал изумрудно-зеленый цвет. Здесь росли сплошные деревья с диковинными плодами. Тут и там проглядывали цветочные ансамбли самых ярчайших цветов и оттенков. По удивительному саду свободно продвигались какие-то райские животные, на деревьях щебетали птицы, по ним шныряли так же белки и прохаживались коалы.

Человек все еще удивленно озирался по сторонам, когда почувствовал присутствие других "действующих лиц" позади себя, со стороны "зеленой" арки.

Он оглянулся и увидел своих родителей, давным-давно покинувших мир людей. Помолодевшие, посвежевшие, они ласково смотрели на него. Родители, видимо, были счастливы там, где они находились все это время, с тех пор, как покинули грешную землю. Мать держала за руку маленького мальчика. Человек подумал, что это, вероятно, его старший брат, которого он никогда не ви-

дел, потому что тот умер еще в детском возрасте. "Новичок" медленно подошел к родителям и радостно заключил их в свои объятия. Они долго беседовали, причем, не прибегая к использованию слов или жестов. Они общались посредством взглядов. Он понимал все, что они ему "говорили" и видел, что и родители понимают его.

Долго, очень долго продолжалась эта встреча. Но человек все еще не хотел отпускать их, никак не мог насытиться их обществом.

- Где вы живете? В том райском саду? Куда нам с вами следует идти дальше? - вдруг спросил человек, не сумев пересилить своего любопытства.

Но отец решительно положил руку на его плечо и снова молвил взглядом:

- Сынок, мы рады, что повидались с тобой, но ты должен возвращаться обратно. Твое время еще не наступило.

Новоприбывший удивленно взглянул на родителей.

- О чем ты говоришь, отец. Ведь меня сюда привела неведомая сила не для того, чтобы увести обратно?

- Эта сила позволила нам повидаться с тобой, пообщаться и сообщить тебе, что отныне у тебя все будет в порядке. Не забывай нас, родной.

- Как же так, мама? - Человек впервые с того времени, как воспарил над землей, не хотел подчиниться силе, приведшей его сюда. - Я хочу отправиться с вами. Потерять вас снова - это выше моих сил! Не говорите мне, что я должен возвратиться.

- Но ты обязан возвратиться, - спокойно возразила мать. Затем она вложила в его руку крупный прозрачный изумруд, внутри которого он увидел минарет.

- Береги его, - это твой талисман, и помни о нас. - С этими словами мать снова обняла и поцеловала сына в лоб. Затем с ним попрощались отец и мальчик.

Человеку ужасно не хотелось покидать это чудесное место, но неведомая сила вновь требовательно повела его за собой.

Больной открыл глаза и огляделся, - родителей нигде не было. Он лежал на кровати, и его окружали незнакомые белые стены.

"Видимо, это больничная палата". - Подумал человек, разглядывая маску, надетую на его лицо и трубку, торчащую из нее.

В комнате что - то запищало, и через минуту в нее вошла девушка в белом халате. Она подошла к больному и, убедившись, что тот проснулся, побежала обратно - сообщить врачу. Вскоре появился и доктор. Он снял с пациента маску и о чем-то его спросил. Но человек не понял его. Он находился в полубредовом состоянии. У него кружилась голова, предметы, словно плыли перед глазами, а голоса он слышал с каким-то эхом. Он улавливал суетливые действия вокруг себя, почувствовал, что ему что-то вкололи, но никак не мог сосредоточиться на том, что происходит. Мозг его все еще перерабатывал тот прекрасный сон, что ему привиделся. Он вспоминал каждую деталь, каждый миг своей встречи с родителями, полета над землей, созерцания ясного голубого неба и райского сада. Как бы он хотел никогда не просыпаться, снова и снова переживать этот сон. Как он жалел, что то прекрасное, что произошло с ним, оказалось всего лишь

видением, миражом, который улетучился вместе с остатком его сонливости.

Суета вокруг него постепенно стихала. И вскоре его, наконец-то, оставили в покое. Люди в белых халатах, по видимому, решили, что больному требуется отдых и, выйдя из комнаты, тихонько прикрыли за собой дверь.

Человек попытался пошевелиться. С большим трудом ему это удалось, но тело было словно свинцовое. Оно еще очень плохо слушалось своего проснувшегося хозяина.

Пациент пошевелил пальцами ног, затем тяжело поднял затекшую руку. Долгое время он никак не мог разжать пальцы. И когда ему это, наконец, удалось, человек увидел на ладони огромный переливающийся изумруд с изображением минарета внутри.

СОДЕРЖЕНИЕ

<i>И ещё раз про любовь.....</i>	<i>3</i>
Жизнь как жизнь.....	7
Мой велосипед.....	75
Баллада о Кири Бубе.....	95
Переводы с лезгинского.....	103
Рассказы.....	115
Содержание.....	190

Сдано в набор: 25.02.2012
Подписано к печати: 29.02.2012
Формат бумаги: 60x84 1/16
Условных печ. листов: 12
Бумага типографская: № 01
Заказ: № 700 Тираж: 300 экз
Отпечатано офсетным способом

*Адрес: Баку, пр.Метбулат. 24,
Телефон: (99412) 510-68-48, (99412) 510-79-94
E - mail: desinger2010@mail.ru*